

ДМИТРИЙ САФОНОВ

ПОДОБАЕТЬ СВЯТЫНЯ
ГОСПОДНЯ

ДОМУ ТВОЕМУ

ВЪ ДОЛГОТУ ДНЕЙ

СОКРОВИЩЕ

НОВЫЙ РОМАН ОТ АВТОРА
«МЕТРО»

Дмитрий Геннадьевич Сафонов

Сокровище

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29828363
Сокровище / Дмитрий Сафонов: Авторское; 2019

Аннотация

Петербургский историк Марина Полякова тяжело переживает смерть отца. Он убит при невыясненных обстоятельствах. Марина с удивлением узнает, что отец был членом Мальтийского Ордена. В составе группы рыцарей он искал сокровище, утраченное после гибели Павла Первого более двухсот лет назад. Рыцари предлагают Марине занять место отца и продолжить поиск. Марина соглашается...

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	12
3	17
4	21
5	27
6	30
7	32
8	34
9	38
10	41
11	44
12	46
13	48
14	51
15	53
16	56
17	59
18	64
19	66
20	69
21	71
22	77

23	82
24	85
25	87
26	90
27	92
28	94
29	97
30	98
31	104
32	106
33	107
34	108
35	118
36	120
37	123
38	125
39	129
Глава вторая	131
1	131
2	133
3	134
4	137
5	143
6	144
7	147
8	149

9	150
10	157
11	158
12	162
13	163
14	165
15	169
16	171
17	174
18	177
19	181
20	185
21	187
22	190
23	191
24	196
25	197
26	200
27	203
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Дмитрий Сафонов

Сокровище

Глава первая

1

Профессор шел быстро.

Занудный мелкий дождь к тому времени уже перестал. Профессор закрыл ненужный зонт и, как человек, склонный к порядку, зачехлил его. Новые порции воды грозили хлынуть с низкого петербургского неба в любую минуту, но профессор давно уже к этому привык: он прожил в Городе более шестидесяти лет и любил его сюрпризы. Если бы снова случился дождь, профессор неторопливо, зайдя в укрытие, расчехлил бы зонт, сетуя на переменчивость погоды. А впрочем, стариковское брюзжание – не более, чем ритуал. Дань Городу.

Здесь постоянно сыро. Ужас! А ветер с Финского залива? Ужас вдвойне! Он выстуживает голову, наполняя ее тупой ноющей болью. Поэтому профессор всегда носил головной убор: шапку или кепку, а теперь – клетчатую шляпу с мягкими круглыми полями.

Плюс – твидовый пиджак (настоящий, с кожаными запла-
тами на локтях), яркий жилет и галстук-«бабочку». Упомя-
нутая шляпа, зонт в виде трости и «гремучие», из негнущей-
ся кожи, ботинки дополняли образ. Он выглядел настоящим
историком.

Собственно, он и был историком. Профессором кафедры
новой истории России исторического факультета Санкт-Пе-
тербургского государственного университета... В этом ме-
сте он обычно сбивался, путался в регалиях и представлялся
просто: профессор истории Сергей Николаевич Поляков.

Пересекая дворы, тянувшиеся друг за другом, профессор
не заметил, как из-за угла вышел небольшого роста щуплый
человек, одетый во все черное. Черный костюм, черная ру-
башка, черные ботинки на высоком, призванном компенси-
ровать прижимистость Природы, каблуке.

– Профессор! Отдайте документ.

Фраза, усиленная многократным эхом, прозвучала гулко,
и от этого казалась более пугающей. Сергей Николаевич По-
ляков на мгновение растерялся; потом – развернулся и по-
смотрел на преследователя.

– Простите? Какой документ?

– Вы прекрасно знаете, какой. Тот документ, за которым
вы ездили во Владимирский областной архив.

Поляков отвел глаза. Всего лишь на мгновение, чтобы
скрыть удивление и досаду; хотя, наверное, коротышка в
черном все понял. Профессор постарался придать голосу

нужную твердость.

– Я не понимаю, о чем идет речь.

Профессор развернулся; он намеревался убежать, но путь ему преградил высокий черноволосый человек. Молчаливый и угрюмый. Он не произнес ни звука, лишь достал нож невероятных размеров. И где он его только прятал? – мелькнула несвоевременная мысль.

Но думать было некогда. Надо было спасаться. Низкорослый человек в черном наступал с другой стороны. Он укоризненно качал сухим желтым пальцем.

– Не пристало рыцарю лгать!

Рыцарю? – пронеслось в голове профессора. И следом – они все знают!

Профессор сжал ручку увесистого портфеля и запустил им в лицо черноволосому. Самое главное – лежало во внутреннем кармане пиджака.

Профессор отметил легкое удивление, мелькнувшее на лице черноволосого, когда портфель достиг цели. Профессор обернулся к коротышке в черном. Толкнул его с криком «ха!» и побежал прочь. Дворы петляли, извивались и змеились; это было на руку. Вот только грубые ботинки предательски стучали по шербатовому асфальту.

Ботинки – предатели! – сообразил профессор и оглянулся. Никого. Преследователи отстали. Видимо, у них чуть раньше закончился запас адреналина.

Профессор забежал в первый попавшийся подъезд, при-

жался к стене и долго стоял, переводя дыхание и ощущая, как липкий пот ручьями струится из подмышек, окутывая жаром тело и притягивая к нему намокающую одежду. Торопливые шаги преследователей быстро стихли где-то вдали.

Профессор достал самое главное и мысленно похвалил себя за предусмотрительность. Правильно сделал, что спрятал в конверт! – и стал рассматривать.

Обычный конверт. Обычное письмо. Но в нем... Зацепка. След. Крючок. Может быть, так, а, может быть, и нет. Но профессор чувствовал, что эта бумага – начало пути. Всего лишь начало – один шаг. Но этот шаг мог привести к цели, к которой он стремился всю жизнь. И, конечно, нельзя было допустить (сама мысль об этом казалась чудовищной), чтобы конверт с его хрупким содержимым попал в руки тех, кто знает, кем на самом деле является профессор истории Сергей Николаевич Поляков.

Он достал ручку и, умерив биение сердца, четким изящным почерком вывел слова в графах: «Адрес получателя» и «Адрес отправителя». Да, так и есть. Еще одной тайне, личной, пора было выйти наружу. Иначе – дочь не поймет. Она и так не поймет, но со временем – смирится. Профессор сорвал тонкую бумажку с клеевой ленты клапана; этим не ограничился; на всякий случай, по старой советской привычке, провел по клею языком и лишь тогда запечатал конверт. Готово. Нет!

Они называли меня рыцарем, – вспомнил профессор. –

Они знают. Значит, группа – в опасности. Один из них...

Думать об этом не хотелось, но факты были налицо. Надо предупредить. Профессор поставил под словом «индекс» в графе «индекс отправителя», точнее, под двумя первыми буквами «ин» тонкий штрих; затем – написал «670671». Они поймут. Они обязательно поймут. Оставалось только выбрать почтовый ящик. Рука почему-то сама потянулась к прорези, под которой красовалась корявая цифра «4».

Профессор опустил запечатанный конверт в ящик и попытался сосредоточиться на молитве. В голове суетились обрывки привычных фраз; в конце концов они свелись к одной: да будет воля Твоя! Профессор улыбнулся. Да будет воля Твоя! Это – именно то, что он хотел сказать.

Поляков оглянулся. Жуткий подъезд. На пожелтевшей побелке выцарапана эмблема «Зенита». На потолке – черные разводы от пламени зажигалки.

– Чему быть, того не миновать! – сказал профессор, и это придало ему сил. Он вышел из подъезда.

Сделал несколько шагов и столкнулся лицом к лицу с черноволосым. Какой же он страшный! – успел подумать профессор. Черноволосый схватил его левой рукой прямо за галстук-«бабочку», а правой – сделал короткое движение где-то там, внизу.

Тусклое лезвие со скрипом раздвинуло жесткие волокна ткани, вошло в плоть, перерезало брюшную аорту и устремилось вверх, к сердцу. Профессор ощутил легкий и вместе

с тем – неопиcуемо горячий укол. Глаза успели заметить, как черноволосый, с видимым усилием, вытащил клинок и вытер его о полу твидового пиджака.

Ноги подкосились, но профессор еще две долгие секунды старался контролировать внезапную ватность коленей. А потом – был свет. И – полет. Черноволосый же, склонившись над телом, видел только кровь, вытекающую ритмичными толчками в лужу. В луже отражалось низкое петербургское небо.

2

Марина огляделась. Все возможности были перед ней.

Черный костюм брючный – висел, зацепившись за третью полку книжного шкафа. Чуть слева. Черный костюм с юбкой закогтил крючком плечиков четвертую полку книжного шкафа. Справа.

Между ними – помещалось полное собрание Монтеня издания 1876-го года; темно-синие корешки. Чуть пониже – Плутарх; корешки вишневого цвета. Чуть повыше – блузка. И она была одна, на оба костюма, брючный и юбочный.

Вот ведь проблема, – подумала Марина и ужаснулась; ни Монтень, ни Плутарх проблемы не видели. Джинсы, футболка и легкая ветровка. Да. Вот и решение: надевать юбку или брюки? чулки или колготки? высокие каблуки или средние? Джинсы, футболка, легкая ветровка и кроссовки. Зачем усложнять? Кстати, можно сэкономить время на макияже; обязательном и для брюк, и для юбки.

И, уж тем более, не стоило затягивать с ответом на очередную реплику отца; единственного человека, спор с которым доставлял Марине наслаждение. Они не ссорились и не злились; каждый не стоял намертво на своем; спор был чем-то вроде фехтования: легкий выпад, укол, радость сиюминутной победы, и снова – в бой!

– Отец! Ты, как всегда, преувеличиваешь!

Марина придала голосу нисходящую интонацию, да и этот оборот «как всегда» выглядел сомнительно, но Марина надеялась «вытащить противника» на себя и тут, на своей половине, поразить его ловким ударом.

– Ничуть! – отозвался из соседней комнаты отец. – Все, что с тобой происходит, – это часть истории!

Да, он – опытный противник, но Марина не собиралась сдаваться без боя. Следующий выпад – преувеличение, и оно наверняка заставит отца возмутиться. Раскрыться.

– Ну, разумеется. Я ведь – такая важная персона!

Отец парировал легко.

– Люди, которые жили за тысячу лет до тебя, тоже так считали. А теперь – ты изучаешь их жизнь, – отец немного покряхтел; он не терпел неточностей – ни в мыслях, ни в формулировках. – Или правильнее было бы сказать – изучаешь их жизни?

Уловка. Вот – ключевое слово. Отсюда и надо начать новую атаку.

– Однажды я попала на эту уловку. И пошла по твоим стопам.

– Ты жалеешь об этом?

Грозный выпад отца. Он прицепился к слову. Надо грубо отбивать.

– Нет! – и тут же – в контратаку. Теснить его, теснить маленькими шажками. – Но мир изменился. Сейчас гораздо важнее физика, химия. Что там еще? Информационные тех-

нологии?

Ну? Дело за тобой! Отец, как всегда (а вот тут этот оборот был уместен), ответил неожиданно.

– Да! Ты права! Но они тоже когда-нибудь станут частью истории. История – вот наука, которая дает ответы на все вопросы.

Загнал в угол, и кончик шпаги – перед ее лицом. Потянуть время.

– На все?

– По крайней мере, на самые важные.

Укол. Надо признать. Тем более, что он прав.

– Один-ноль! Сейчас только девять утра, а ты уже – ведешь в счете. Не знаю, как, но ты опять меня убедил. Для этого нужен особый талант!

– Отцовский!

Отец милосерден. Он опустил шпагу и сделал шаг назад. Марина рассмеялась.

– Ты – хитрец! Ты – самый настоящий хитрец!

Марина уже натянула джинсы и футболку, подошла к двери отцовской комнаты и хотела постучать, но... Дверь была открыта.

В глубине комнаты Марина увидела зеркало, завешенное кисеей, письменный стол, и на столе – фотографию с нижним левым углом, опоясанным черной лентой.

На нее глядел отец. Улыбчивый человек в очках, с бородкой и с усиками, в клетчатой шляпе с мягкими круглыми по-

лями. Сергей Николаевич Поляков.

Марина застыла на пороге.

– Отец! Прости! Я никак не могу привыкнуть, что тебя больше... – Марина осеклась. Слово «нет» произнести не могла.

Отца убили пять дней назад. Она успела его похоронить, но смириться с тем, что он умер, – еще не успела.

Телефонный звонок разорвал тишину. Марина посмотрела на аппарат: большой, из черного эбонита.

В квартире все было несовременным. Проще сказать – старым. И паркет, и лепнина на потолке, и бронзовая люстра с хрустальными подвесками, и книжные шкафы из вишневого дерева. Ну, а как могло быть по-другому, если у тебя отец – историк, и сама ты – историк, и окна квартиры выходят на Марсово поле?

Черный массивный телефон с поворотным диском смотрелся на фоне мебели настоящим «новоделом». И внутри него бился молоточек, передавая биение в треснутые колокольчики. Марина подошла к аппарату.

– Да?

На том конце обозначилось хриплое дыхание; уже не в первый раз.

– Алло! Я вас слушаю! – сказала Марина, понимая, что это напрасно. Ответа не последует. Его и не было. Опять – то же самое дыхание.

– Перестаньте молчать! Кто вы такой? Что вам нужно?

Дыхание.

В трехстах метрах от нее, в таксофоне, стоял черноволосый и прижимал к уху трубку.

– Не смейте мне больше звонить! – закричала Марина и бросила трубку на рычаги.

Эбонит с легкостью выдержал удар.

3

Было темно. По залу скользнула черная тень; еле заметное движение, не вызвавшее ни малейшего звука. Потом – щелчок! Под потолком лампы дневного света, раздражаясь ленивыми вспышками, приноравливались к работе. Потом – стал свет.

Виктор еще раз оглядел помещение и убрал пистолет в поясную кобуру. Можно начинать. Виктор махнул рукой. Понеслось легкое жужжание электрического моторчика, и в зал въехал Валентин.

– Ух ты! – Некоторое время Валентин перемещал рычажок управления инвалидным креслом во всех направлениях; осматривался. Все – на месте. Черда производительных серверов, несколько огромных экранов на стенах, и – ни одного окна. Валентин взъерошил светлые волосы, которые, несмотря на молодой возраст их обладателя, уже начали редеть на затылке, и повторил. – Ух ты!

– Приступай! – сказал Виктор и снова махнул рукой.

Виктору было около сорока, или слегка за сорок, – сразу и не определишь. Морщины стекали со лба на подбородок в симметрически-верном порядке, и нельзя было сказать, что они означали: угрозу или усмешку. Но только не бездействие. И это подтверждали его движения: математически выверенные, без единого признака избыточности.

Затем в зал вошла Анна, женщина лет пятидесяти, с короткой седой стрижкой и пронзительными глазами. Виктор приветствовал ее легким полупоклоном.

Следом появился Ким, молчаливый кореец. Обвел глазами зал и стал в углу.

Последним возник странный тип; он словно только что прибыл прямиком из «Одесских рассказов» Бабеля; чесучовая пара, канотье, галстук-шнурок, нафабранные усики и двуцветные ботинки. Промурлыкал, преувеличенно грассируя.

– Бонжур, мон шер ами!

Виктор нахмурился и отвернулся.

– Анна! Осмотри медпункт!

Анна, повинувшись указанию Виктора, скрылась в небольшом помещении, смежном с общим залом. Виктор показал в противоположном направлении.

– Ким! Мастерская – там!

Кореец ушел.

Странный тип поцыкал зубом, одобрительно покачал головой и воскликнул, ударяя на последнем слоге.

– О! КофЕ-машИн!

Развязной походочкой «одессит» подошел к кофе-машине, склонился над ложечками, лежащими в ряд, и хищно ухмыльнулся, даже не пытаясь скрыть сорочий интерес к блестящим предметам. Узкая кисть легким пульсирующим движением захватила добычу.

– Все ложечки посчитаны, – предупредил Виктор.

Странный тип изобразил на подвижном лице легкое изумление; раскрыл ладонь; ложечки не было. Неведомым образом она возникла в другом кулаке; правда, «одессит» усиленно на него дул, но едва ли секрет фокуса заключался именно в этом.

Виктор еле заметно улыбнулся. Странный тип церемонно раскланялся, будто бы сорвал невиданный аподисмент; налил кофе, решительно отодвинул сахарницу и щедро насыпал в чашку соль и перец. Размешал и взял чашку, держа мизинец на отлете.

– Как тебя сейчас зовут? – спросил Виктор.

– Месье Жан, – странный тип отхлебнул кофе и зажмурился от удовольствия.

– Подходящее имя для Санкт-Петербурга. Учитывая, что мы в двадцать первом веке.

– Мамочка слишком строгая, – притворно обиделся месье Жан. – Это не имя. Творческий псевдоним.

– Мне он кажется неуместным.

– Вот как! А кореец в Санкт-Петербурге кажется тебе уместным?

– Видимо, ты не слышал группу «Кино».

– Есть такая группа?

– Была.

– Потому и не слышал. А в чем дело?

– Ее лидер, Виктор Цой, тоже был корейцем.

– Ну и что?

– Ты вообще следишь за ходом моей мысли?

– Будто мне своих не хватает, – странный тип ретировался в угол и оттуда возвестил. – Меня зовут месье Жан.

Спорить было бесполезно. Виктор обернулся к компьютерам. Серверы уже загрузились; на больших экранах появилась одна и та же заставка.

– Валентин?

– Все работает!

В зал одновременно вышли Анна и Ким.

– Ким? Анна?

– В порядке, – ответила Анна.

Ким ограничился кивком.

Виктор взглянул на часы.

– Будьте готовы! Он скоро придет.

4

Митя приехал в Питер впервые. Поздним вечером сел на поезд в Москве, а ранним утром – уже был в Городе.

Московский вокзал большого впечатления не произвел, но Митя на это и не рассчитывал; поэтому поспешил выйти на Невский проспект и увидеть... Что?

В глубине души Митя надеялся, что – сразу все! Стоит только выйти на Невский, и Город раскроется перед ним, как чудесная шкатулка, полная драгоценных секретов; вот Петропавловская крепость, а вот – Зимний Дворец, чуть левее – Исаакиевский собор, стоит бок о бок с Казанским, а между ними – курсирует на вздыбленном жеребце Медный Всадник. Где-то в этой перепутанной географии присутствовали улица Зодчего Росси и Аничков мост, но Митя пока не решил, в какую именно часть мысленной картинки их поместить.

На деле, конечно, ничего подобного не случилось. Единственное, что он увидел, была толпа, скопившаяся на пересечении Невского и Лиговского проспектов; загорелся зеленый сигнал, и люди потянулись к станции метро «Площадь Восстания». А Мите – хотелось застыть на месте и что-то почувствовать. Ведь когда человек в шестнадцать лет впервые в жизни приезжает в Питер, он обязательно должен что-то такое почувствовать. И он почувствовал.

Пыльный и в то же время – сырой ветер, хлестнувший по левой щеке. Ветер прилетел оттуда, с линейной перспективы Невского проспекта, и Митя улыбнулся ему, как новому, но очень милому знакомцу.

Путь до Марсова поля Митя решил проделать пешком. В самом деле, не спускаться же в метро; тем более, что московское – лучше. Наверняка. Тут и спорить не о чем. А вот сам Город...

Он манил. Разворачивал улицы, зазывал перекрестками, укладывал под ноги мостики, теснил витыми оградами набережных и не давал остановиться, все гнал и гнал вперед; невозможно было сказать себе: вот, дойду до угла того дома и немного постою; Город коварно сдвигал вплотную фасады домов; они различались по стилю, цвету и количеству этажей, казались перетасованными безо всякого порядка, но вместе – рождали ощущение величественной музыки; патетичной и даже несколько пафосной, при этом – удивительно стройной и быстрой. Да, Город имел свою музыку; и Митя, давно и тщетно пытавшийся найти хоть какую-то мелодию в архитектурной какофонии Москвы, сразу ее уловил.

Маршрут он проложил на смартфоне еще в поезде, поэтому шел быстро, насколько позволяла длина шага; с учетом роста в сто девяносто пять сантиметров она была немаленькой. И все же – иногда хотелось остановиться, посмотреть, быть может, даже о чем-то задуматься, хотя человеку в шестнадцать лет это менее всего свойственно.

Митя не мог сказать, что Город в один миг стал для него родным; наверное, потому, что Город сам не набивался ни в родственники, ни в друзья; но он выглядел грандиозно и одновременно – уютно; так, словно ты попал в старинную квартиру великого человека, где хочется остаться, несмотря на острое ощущение собственной чужеродности и ничтожности. Сгодились бы и банальное определение «город-музей», но только в музее нет жизни. Город не очаровал и не пленил Митю; влюбил в себя насильно.

В девять пятнадцать Митя дошел до Марсова поля; в этом и мерцающая точка на экране смартфона, и табличка на стене дома были единоклюбы. Митя достал из сумки, висевшей на плече, письмо и еще раз проверил адрес. Все правильно. Это здесь.

Тяжко хлопнула высокая, почти до потолка, дверь; гулкое эхо долетело до нижнего этажа парадного и вернулось, дробясь на широких ступенях.

Марина дважды с хрустом повернула ключ в замке, в очередной раз подумав, что если замок – вдвое старше, чем она сама, то это все-таки перебор. Но и менять его на новый не хотелось; Марина, подобно отцу, испытывала слабость к старым вещам. Видимо, она ограничится разумным компромиссом; когда вернется, наберет в пипетку несколько капель подсолнечного масла и покапает в широкую скважину; глядишь, подлечит заслуженного ветерана. От мысли, что она

нашла верное решение, стало чуть легче.

Марина побежала вниз, на ходу застегивая ветровку.

Митя в это время пытался открыть дверь подъезда. Он нагнулся, изучая кнопки на запирающем устройстве (в Москве таких видеть не доводилось) и тут же получил удар дверью в лоб.

Девушка в джинсах и ветровке, стоявшая на пороге, выглядела расстроенной.

– Простите!

Митя разогнулся и стал выше девушки на полторы головы.

– Ничего, я сам виноват, – великодушно ответил он, потирая лоб.

– Вам больно? – спросила девушка.

– Нет, нисколько. Все хорошо.

Девушка кивнула и быстрым шагом пошла по улице. Митя предусмотрительно засунул ботинок сорок пятого размера между дверью и косяком; экспериментировать с кнопками больше не хотелось.

Митя поднялся по лестнице и остановился перед высокой, почти до самого потолка, дверью. Звонка, к сожалению, не было. Точнее, он был, но вовсе не электрический; из круглой и рифленой, как формочка для пирожного, розетки торчали два ушка. Митя взялся за ушки и покрутил. Послышался хриплый надрывный звук; где-то там, внутри розетки, бо-

ролись две шестеренки, и одной из них приходилось несладко. Дверь не открылась. Митя для верности постучал, но ответа так и не последовало. Появилась альтернатива: сидеть на ступеньках и ждать, либо – пойти погулять. Митя выбрал второе.

Марина шла по улице. Она торопилась и не смотрела по сторонам. А если бы смотрела, то не обратила бы внимания на невзрачную машину, припаркованную неподалеку. И даже если бы обратила – то вряд ли бы она заметила за тонированными стеклами двух мужчин; один, сухой и желтолицый, одетый во все черное, ерзал на водительском сиденье, второй, черноволосый, с тяжелой челюстью, выглядел невозмутимым.

Марину больше заботил тот румяный здоровяк со светлой шапкой кудрявых волос, которого она ударила дверью в лоб. Лицо у него было детское, но все же – он был здоровым. А главное – он был не из их парадного. Более того, на нем не было печати Города; особой болезненной метки, которую любой коренной житель угадывает безошибочно. Что он хотел?

Марина еще раз оглянулась и прибавила шаг.

Едва она скрылась из виду, желтолицый подпрыгнул на сиденье.

– Мануэль!

Черноволосый отозвался неопределенным звуком.

– Хочу тебе напомнить, что смерть профессора не принесла желаемых результатов.

Теперь звук был более определенным; при известной доле фантазии его можно было принять за мрачный смех.

– Поздно, Юзеф! – сказал черноволосый Мануэль. – Вряд ли я смогу его воскресить.

– Опомнись! – Юзеф быстро перекрестился; слева направо. – Не смей кощунствовать!

– Чего ты от меня хочешь?

– Мы так и не нашли документ. Иди и обыщи ее квартиру. Но заклинаю – будь осторожен!

Мануэль открыл дверцу и вышел из машины.

Послышались тяжелые шаги.

Виктор стал на колени, склонил голову. Он не оглядывался, но знал, что Ким и месье Жан последовали его примеру; каждый – в своей манере. Валентин и Анна – по крайней мере склонили головы.

Выждав приличествующую паузу, Виктор поднялся и посмотрел на вошедшего. Высокий лоб, черные, с проседью, волосы, зачесанные назад; холодный взгляд серых глаз из-под кустистых бровей и нос с уловимой даже анфас горбинкой.

Погрузневшая фигура указывала на то, что в последнее время этот человек вел спокойный образ жизни; литые покатые плечи и большие, словно расплющенные, кисти, в перевязках и узлах вздувшихся вен, свидетельствовали, что когда-то он знал времена куда более беспокойные.

– Меня зовут Габриэль да Сильва, – раскаты тяжелого баса не поместились под сводами зала, поэтому вошедший умерил голос. – Мне поручено возглавить работу группы поиска. Думаю, не стоит объяснять, насколько она важна. Особенно сейчас.

– Да, командор, – ответил Виктор. – Нам сообщили о вашем приезде.

– Вот и прекрасно. Давайте познакомимся. Представьтесь.

– Виктор. Я обеспечиваю безопасность группы, силовую поддержку и проведение специальных операций.

Командор оглядел Виктора и перевел взгляд на Кима.

– Вы!

– Ким. Механик.

– Коротко и ясно. Вы?

Командор впился взглядом в Валентина, и тот поначалу растерялся, но быстро взял себя в руки.

– Я... Меня зовут... Я – Валентин. Занимаюсь связью и обработкой потока информации.

– Я – врач, – не дожидаясь вопроса, сказала Анна.

Взгляд командора чуть потеплел.

– Анна!

– Так и есть, командор. Рада, что вы меня помните.

Оставался последний персонаж, и он, с точки зрения Виктора, мог выглядеть в глазах командора не совсем убедительно. Поэтому, когда командор уронил последнее...

– Вы!

Виктор поспешил ответить.

– Месье Жан. Это – наш специалист по несанкционированным проникновениям и изъятиям.

Но месье Жан, похоже, в защите не нуждался.

– Не стоит напускать туману, – пропел он. – Я – вор. Но я – самый лучший вор.

Командор поднял бровь. Виктору показалось, что стальная стрела, пущенная из левого глаза Габриэля, пробирается

вору под ребра. Однако же месье Жан ничего подобного не почувствовал и не стушевался.

– А! – воскликнул он с видом, будто речь шла о чем-то малозначительном. – Забыл добавить. Самый лучший на свете.

Губы командора тронула улыбка.

– Не сомневаюсь.

И тут же – пропала.

– А теперь – расскажите мне, как это случилось.

– Мы не знаем.

По раз и навсегда укоренившейся привычке следователь Кулаков говорил «мы»; так, словно отвечал сразу за весь Следственный Комитет; а может, и за все человечество в целом.

Он пожевал тонкими серыми губами и повторил.

– Не знаем.

Впрочем, не желая отнимать последнюю надежду, через силу добавил.

– Пока.

Марина, сидевшая в кабинете следователя по другую сторону письменного стола, поняла, что еще рано перемещаться с краешка стула поближе к спинке.

– У вас – ни одной версии?

Марина старалась, чтобы вопрос звучал требовательно. Но вышло не очень.

Следователь почувствовал эту слабость и поторопился вклиниться в образовавшуюся брешь между законным желанием гражданина и суровой действительностью.

– Но вы же сами сказали – у вашего отца не было врагов.

– Он – профессор! – Марина замолчала. Потом продолжила. – Он – был профессором исторического факультета. Откуда могли взяться враги?

– Следствие тоже так думает, – Кулаков многозначительно прищурился; видимо, хотел примазаться к безликому, но очень проницательному «следствию».

– И какие выводы делает следствие? – спросила Марина.

– Убийство с целью ограбления.

– У него в бумажнике было пятьсот рублей. А в портфеле – никому не нужные бумаги!

– Времена нынче беспокойные, – с укоризной заметил Кулаков; так, чтобы Марина поняла: часть ответственности за беспокойные времена лежит персонально на ней.

– У вас есть подозреваемые? – попыталась конкретизировать Марина, но ничто не могло смутить Кулакова.

– Конечно! – отрапортовал он. – Алкоголики. Наркоманы. У нас – много подозреваемых.

– Так много, что их, считайте, нет?

Выражение «усталой доброты» появилось на бесцветном лице Кулакова.

– Марина Сергеевна! Следствие – на правильном пути.

После таких слов оставалось только встать.

– Спасибо! Я это уже слышала!

И уйти.

Что Марина и сделала, машинально хлопнув дверью. Не потому, что не могла сдержаться. Просто по-другому не получилось.

Конечно, командор был строг. И, конечно, его строгость была обоснованной. Виктор это понимал. Вполне возможно, будь он на месте командора, направо и налево летели бы повинные головы.

Виктор осознавал свою вину: не уберег профессора! Поэтому не собирался оправдываться; рассказывал подробно.

– Профессор поехал во Владимирский областной архив. Хотел покопаться в недавно обнаруженных старых бумагах семьи Леонтьевых. Стандартное мероприятие. Он занимался этим постоянно. Архивы, библиотеки, музеи, частные коллекции.

Воздетый к потолку палец командора (таким пальцем можно и камень проткнуть, – подумал Виктор) означал «стоп».

– Почему он поехал сам? Неужели нельзя было созвониться с архивом и попросить отправить документ по факсу?

Вопрос на секунду поставил Виктора в тупик. Что значит «по факсу»? Ну да, ведь командор только что прилетел из Рима, он не понимает всех тонкостей работы группы поиска.

– В том случае, если документ – ценный, его необходимо немедленно изъять.

Командор, надо отдать ему должное, моментально осознал свою ошибку.

– Простите! Я сказал глупость. Привык работать в кабинете. Продолжайте.

– Видимо, документ оказался ценным, поскольку профессор передал кодированное сообщение, означавшее сбор группы.

– Вот как? И что было дальше?

Виктор пожал плечами и тут же мысленно обругал себя за излишнюю суетливость мышц.

– В назначенное время он не пришел. Его телефон не отвечал. Еще через два часа, из сводки по городу, мы узнали, что он убит.

Командор сдвинулся с места. Все это время он стоял посреди зала, но тут – сделал три шага вперед; потом, с четкостью, выдававшей бывшего военного, развернулся, отпечатал шесть шагов назад; и снова три – вперед. В результате – оказался на том же месте; как изваяние, вернувшееся на постамент.

– Это – исключительное происшествие. Когда в последний раз убивали члена группы поиска?

Вопрос был адресован ко всем. Ответил Валентин.

– Девятнадцатого февраля одна тысяча девятьсот сорок второго года.

– Очень давно, – отчеканил командор. – К тому же – тогда была война.

Виктор глубоко вздохнул, и этот вздох должен был означать: мне нет оправданий.

Софиты заливали трибуну белым мертвящим светом.

Ведущий не осмелился взойти на нее – не тот ранг! – поэтому стоял чуть сбоку и думал только об одном: как бы не потек тональный крем, и лицо на камерах не «заблестело».

Он сжал в потеющей руке микрофон и нарочито бодрым голосом объявил.

– А сейчас – перед вами выступит известный бизнесмен! Специальный гость экономического форума! Шестьдесят шестой номер в списке «Форбс». Борис Михайлович Виноградов!

Организаторы обошлись без бравурных фанфар; хватило и жидких рукоплесканий. На сцену по ступенькам взбежал Борис Михайлович Виноградов; в ладном костюме, загорел и белозуб; и тотчас оседлал трибуну. Ухватил ее крепкими руками и стал похож на коробейника (как их рисовали на лубках лет сто назад), предлагающего кому платки, а кому – леденцы.

Форум близился к концу. На следующий день планировалось торжественное закрытие; речи о возрождении былого могущества – уже все сказаны, обещания, касающиеся неотвратимо светлого грядущего, – розданы. В небольшом зале теснилась в основном журналистская братия, обремененная фотоаппаратами, диктофонами и блокнотами; отсюда и

скудные аплодисменты.

Сам Борис Михайлович, как человек, по всей вероятности, неслепой, прекрасно это понимал.

– Друзья! Я рад, что сегодня, здесь и сейчас, нахожусь среди вас. Я благодарен организаторам за то, что они пригласили меня на этот форум.

Вялую овацию удалось остановить намеком на взмах руки. Но в дальнейшем – требовались крутые меры; к чему Виноградов и приступил. Он поднял над трибуной тонкую папку, принесенную под мышкой, развернул и показал, что в ней – всего лишь несколько листочков.

– Я заготовил речь. Если быть откровенным, заготовили мои референты.

Короткие смешки в зале. Репортер с густой седой бородой склонился над ухом молоденькой рыжей журналистки.

– Врет! Какие бумажки? У него должен быть наушник. А на другом конце – грамотный спичрайтер и пресс-секретарь, подсказывающий ответы.

Рыжая журналистка посмотрела на густую бороду, но одобрения не высказала.

Виноградов продолжал.

– Но, знаете... Я не буду ее читать. Она слишком скучная. Я всегда и везде, в жизни и в бизнесе, шел своим путем. Поэтому – предлагаю поставить все с ног на голову! Давайте начнем с вопросов. Обещаю быть искренним и честным.

Внезапное обещание ненадолго поставило присутствующим

щих в тупик. Ровно на пару секунд, но этого оказалось достаточно, чтобы парень с ровным пробором лег животом на сцену и нацелил микрофон с логотипом известной телекомпании в сторону трибуны.

– Борис Михайлович! В последнее время распространились слухи о вашем состоянии. Якобы вы – тяжело больны.

Виноградов вышел из-за трибуны. Посмотрел на субъекта с ровным пробором свысока, а потом – присел рядом с ним.

– Слухи? Куда от них деться? Но только вы можете их опровергнуть. Поднимайтесь ко мне, поборемся!

Субъект замотал головой. Виноградов усмехнулся.

– Предупреждаю. Сегодня утром я выжал от груди сто десять килограммов. Ну? Что же вы? Есть желающие? Я жду!

Ни густобородый репортер, ни рыжая журналистка желания не изъявили.

– Хорошо, – подытожил Виноградов. – Если я здесь, по краю сцены, пройду на руках? Это вас убедит?

Журналисты нестройно согласились.

Виноградов снял пиджак, раскинул руки и напряг бицепсы. Белая шелковая рубашка в соответствующих местах мягко приняла форму полукружий. А затем уж – и вовсе произошло невероятное; то, что потом обсуждали, как «самое значительное событие экономического форума в Санкт-Петербурге».

Шестьдесят шестой номер в списке «Форбс» закусил кончик дорогущего галстука, встал на руки и прошелся по краю

сцены.

И тут уж никто не скупился; отбросив блокноты и диктофоны, журналисты хлопали во все ладоши.

На кладбище было пустынно. Пахло еловой прелью. Где-то неподалеку, но Марина никак не могла понять, где, чирикала надоедливая птичка; судя по голосу, выглядела она омерзительно.

Марина стояла перед могилой отца. Свежая земля успела просохнуть, а холмик – осесть; Марина поправила перепутанные ленты венков и собрала увядшие цветы. Достала тряпку, намочила ее водой из бутылки, которую наполнила на входе, и протерла закрытую полиэтиленом фотографию отца. Отступила на шаг и посмотрела на низенький деревянный крест с табличкой. «Сергей Николаевич Поляков». И – годы жизни. Год рождения, казавшийся непостижимо далеким, и год смерти, выглядевший фатально несправедливым.

Рядом кто-то кашлянул. Марина обернулась и увидела мужчину неопределенного возраста в дурно сидящем темном костюме.

– Я вижу, вы скорбите? – участливо сказал мужчина.

– Неудивительно. Я потеряла отца.

– Что вы говорите? – мужчина оставался неподвижен, но Марине показалось, будто он по-бабьи всплеснул руками. – Сергей Николаевич. Такой видный ученый. Историк.

– Вы его знали?

Мужчина мелко закивал, словно боролся с неожиданно

охватившей задумчивостью. Последовал протяжный вздох.

– Я много о нем слышал. – Мужчина достал платок. – Безусловно, он заслуживает памятника.

Вот так. Трогательное участие незнакомца вдруг получило примитивное и обидное объяснение. Марину едва не разобрал смех.

– Вы – похоронный агент?

– Это – не самое лучшее название для моей профессии.

– Вы что, на проценте?

– Я скорблю вместе с вами.

– Предпочитаю это делать в одиночестве.

– Почему вы так категоричны? Здесь, в месте последнего приюта...

Марина не стала дослушивать.

– Пошел ты!

Агент торопливо отошел подальше от Марины, достал из кармана визитку и положил на скамейку.

– Если что потребуется – всегда к вашим услугам.

Марина демонстративно отвернулась. Она стояла, прислушиваясь, как под ногами агента хрустит мокрый песок. Шаги стихли, но тут же вернулись вновь. Марина не выдержала: ох, и задаст она ему сейчас трепку! Окатит водой. Как минимум.

Марина развернулась и застыла.

Перед ней стоял вовсе не надоедливый агент, а тот самый здоровяк, что пытался открыть дверь парадного. Вот

оно что! Теперь все понятно.

Марина попятилась, схватила сумку.

– Ты кто? Я тебя узнала! Зачем ты за мной следишь?

Парень шагнул навстречу Марине, сокращая расстояние.

Марина отпрыгнула, запустила руку в сумку.

– Не подходи! У меня здесь – газовый баллончик!

Конечно, это было неправдой, но блеф подействовал. Здоровяк остановился.

– Хорошо, стою.

– Что тебе от меня нужно? Это ты постоянно звонишь и молчишь в трубку?

Парень изумился. Завертел головой; кудри разлетелись.

– Ты – Марина?

– Да.

– А я – Митя.

Парень показал на могилу.

– Сергей Николаевич Поляков – мой отец.

Вот этого Марина никак не ожидала. Сумка выпала из рук.

10

Командор сцепил ладони, энергично потер их друг о друга, словно хотел согреться.

– Вы провели расследование? – теперь его голос звучал менее грозно, чем четверть часа назад.

Слово взяла Анна.

– Мне удалось присутствовать при вскрытии. Ножевое ранение. Прямо в сердце. Большой клинок необычной формы. В одежде ничего не было.

Командор задумался.

– Большой клинок необычной формы. Это что-нибудь даст?

Анна покачала головой.

– И в одежде – ничего? – повторил командор.

– Убийца его обыскал. Или – убийцы.

– Ладно. Это все?

Месье Жан поднял руку. Командор кивнул.

– Я проник в кабинет следователя и покопался в его сейфе, – начал вор. – Но не спрашивайте меня, как я это сделал. Маленькие профессиональные тайны.

– Я и не спрашиваю, – отрезал командор. – Даже если бы вам очень этого хотелось, все равно не буду. Продолжайте по существу.

– Судя по материалам дела, – вор сменил тон с развязного

на более официальный, – портфель профессора исчез. Полиция отработывает только одну версию: убийство при разбойном нападении.

– Они не знают, кем он был на самом деле, – вставил Виктор. – Поэтому отработывают только одну версию.

– Рискую показаться циничным, – сказал командор. – Но это нам на руку.

– Позвольте мне? – подал голос Валентин.

Он легко пробежался пальцами по клавиатуре; на большом экране появилась схема движения профессора. Красная ломаная линия начиналась от Московского вокзала, несколько раз поворачивала и заканчивалась жирной точкой где-то в проходных дворах.

– Я проверил данные мобильной связи, – пояснил Валентин. – С момента прибытия профессора на вокзал, в течение получаса, его телефон был в сети.

Командор посмотрел на схему; пальцы стиснули крепкий подбородок.

– Почему он пошел пешком? Почему не взял такси, не воспользовался городским транспортом? Можете ответить?

– Да. В тот вечер город стоял. В связи с открытием экономического форума многие улицы перекрыли.

– Я повторил его маршрут, – вступил Виктор. – Опросил возможных свидетелей, посмотрел записи с камер наблюдения. Никаких результатов.

Командор сделал рукой кругообразный взмах; видимо,

этот жест должен был означать, что пора подвести какой-нибудь итог.

– Вы можете сделать однозначный вывод? Что это? Разбойное нападение, как считает полиция? Или – происки наших врагов?

Виктор не задумывался.

– Мы должны предполагать худшее, – сказал он.

Первым делом Марина сжала пальцами виски. Потом – посмотрела на могилу отца; точнее, на фотографию, будто она могла ответить. И лишь потом – подняла упавшую сумку.

Марина отказывалась верить своим ушам. Все это походило на дурной сон. Нет, что там сон! Даже во сне такого не могло быть!

– Отец? – переспросила Марина. – Сергей Николаевич Поляков – твой отец?

– Он часто ездил в Москву.

– Да, он работал в архивах.

Митя кивнул.

– Примерно двадцать лет назад он познакомился с моей мамой. А еще через четыре года – родился я.

Марина пожала плечами.

– Что значит «родился»?

– Так бывает, – начал объяснять Митя. – Когда два человека...

– Хватит! – вспыхнула Марина. – Избавь меня от подробностей.

Митя примирительно поднял руки.

– Он иногда рассказывал о тебе.

Марина усмехнулась.

– Это – тем более странно, потому что о тебе он не рассказывал ничего и никогда. Я даже представить себе не могла, что у отца может быть другая женщина.

– Он – мужчина, – пробовал заступиться Митя. – Совсем не старый.

– Он – ученый, – отрезала Марина.

– Чего ты злишься? Он никого не предавал. Он же был вдовцом.

Тут Митя был прав. Стоило признать.

– Да. Я видела маму только на фотографии, – медленно произнесла Марина. – Она умерла, когда меня рожала. Но все равно. Это как-то... В голове не укладывается.

– Вот видишь? Поэтому отец ничего тебе и не говорил. Ты – слишком ревнивая.

Митя как-то очень быстро позволил себе перейти на дружеский тон; это задело и отрезвило Марину.

– Послушай! Как тебя там? Митя, да? А почему я должна тебе верить? С какой стати? Может, ты меня обманываешь?

Митя открыл сумку и достал запечатанный конверт.

12

Командор сцепил руки за спиной, прошелся по залу.

– Да. Вы правы. Как думаете, если исходить из худшего, есть ли вероятность, что профессор перед смертью мог что-нибудь рассказать?

– Я в это не верю, – Виктор не колебался. – Тем не менее, мы приняли меры. Закрыли прежний командный пункт, сейчас мы находимся на резервном; сменили легенды, телефоны и адреса.

– И все-таки?

– Вы видели вход. Сюда не так просто проникнуть. Пространство вокруг, начиная с дальних подступов, контролируется камерами и датчиками давления. Но, если это все-таки случится, компьютеры самоуничтожатся. Запасной выход – через систему подземных переходов. Люк – в полу.

Виктор показал в дальнюю часть зала, где находился эвакуационный выход, но командор, вместо того, чтобы следовать взглядом за рукой Виктора, посмотрел на Валентина.

– А вы? Вы ведь не сможете бежать?

Валентин положил руки на ободья колес.

– Нет смысла уничтожать компьютеры и оставлять меня в живых. У меня слишком хорошая память. На этот случай есть ампула с ядом.

Командора удовлетворил его ответ.

– Хорошо. Я хотел бы выслушать предложения по текущей работе. С кого начнем?

Марина взяла конверт в руки. Сердце забилося. Рука отца, в этом нет сомнений. Только он мог выводить такие мелкие и в то же время – каллиграфически четкие буквы; отец писал каждую отдельно, не связывая их между собой; при этом Марину всегда поражала скорость отцовского письма.

– Это – его почерк! – сказала Марина.

– Я не открывал. Письмо пришло уже после того, как я узнал о его смерти.

– Узнал? Откуда?

– Из интернета, откуда же еще? Посмотри!

Митя подошел ближе, склонился над конвертом. Марина уловила Митин запах, и он не вызвал у нее инстинктивно-го отторжения; даже наоборот, показался знакомым. Марина почувствовала, как охватившее ее напряжение постепенно отпускает. Она позволила себе немного успокоиться.

– Видишь? – Митя показал на графу «адрес получателя». – Это – мой адрес. А адрес отправителя – твой.

– Да, только индекс неверный, – машинально отметила Марина.

– А штемпель на конверте – почтового отделения, которое расположено на Лиговском проспекте. Я проверил.

– Его там убили. Неподалеку, – горло перехватило, но Марина быстро взяла себя в руки.

– И дата отправления. Видишь? На следующий день. Короче, тут все непонятно. Поэтому я решил приехать и разобраться.

– Ладно. Как ты нашел мой дом, теперь ясно. Адрес на конверте. Извини, кстати, что ударила тебя дверью.

– Ты уже извинилась.

– Но как ты нашел кладбище? – Марина отстранилась; хотела заглянуть Мите в глаза; а вдруг он не совсем честен.

– Я же сказал: увидел в интернете репортаж о похоронах. Ваш, местный ресурс. Раздел «наука и культура». Ты что, до сих пор мне не веришь?

– Как я могу в это поверить? – возмутилась Марина. – У меня есть брат, да еще и москвич!

Последний выпад Митя пропустил мимо ушей.

– Открой конверт! Тебе не интересно, что там? Я ради этого всю ночь ехал в общем вагоне.

Марина подняла конверт, посмотрела на свет. Последнее послание отца. Опять сердцебиение. И руки предательски дрожат.

Марина оторвала от торца конверта узкую полоску, запустила пальцы, слегка потянула и... Еще до того, как увидела пожелтевший лист, сложенный вдвое, ощутила его хрупкость и важность. Марина аккуратно, буквально по миллиметру, засунула лист обратно в конверт.

– Тихо-тихо-тихо! Это – исторический документ. Его нельзя читать здесь. Нужна специальная обстановка.

Митя улыбнулся.

– Как ты похожа на отца.

– А ты – не очень.

– Я – не похож на тебя. Но это еще ничего не значит. Пригласи меня домой. Я, между прочим, голодный. Ты умеешь готовить?

Марина промолчала. Однозначного ответа у нее не было: не то, чтобы вовсе «нет», но и совсем не «да».

Пресс-конференция закончилась. На подземной стоянке ждал лимузин.

Виноградов шел по служебному коридору здания в окружении четверки крепких телохранителей. Два широких бритых затылка бугрились перед глазами; два размеренных могучих дыхания подталкивали в спину.

Пятым, чуть отстав от процессии, шел Ковалев. На согнутой руке он нес раскрытый ноутбук; камера, вмонтированная в крышку, фиксировала каждое движение Виноградова.

Ковалев услышал сигнал. Голос в наушнике сообщил приказ.

– Прямо сейчас? – переспросил Ковалев. – Да, понял. Остановка!

Виноградов и телохранители остановились.

– Что-то случилось? – спросил Виноградов.

– Ничего особенного.

Ковалев огляделся: кроме них, в коридоре никого не было. Ковалев прошел вдоль стены, трогая двери, ведущие в подсобные помещения. Одна из дверей была открыта. Ковалев вошел, убедился, что камер наблюдения нет.

– Заходим!

Виноградов и телохранители вошли в небольшое помещение, судя по всему, служившее раздевалкой для уборщиков;

в одном углу – ряд железных шкафчиков для одежды, в другом – швабры и моющие средства.

Один из телохранителей тут же подпер двадцатикилограммовым тренированным телом дверь; двое других взяли Виноградова под руки и поставили спиной к стене.

Ковалев нацелил камеру ноутбука на Виноградова, поднес руку к лицу, сказал в микрофон, спрятанный в рукаве.

– Вам хорошо видно?

Видимо, ответ был утвердительным.

А дальше произошло то, что журналисты наверняка назвали бы «главной сенсацией Санкт-Петербургского экономического форума». Но их в подсобку не пригласили, поэтому дважды стать основным ньюсмейкером Виноградову было не суждено.

Ковалев еле заметно кивнул.

Двое, стоявшие по бокам, схватили Виноградова за плечи и запястья, фиксируя руки. Еще один – размахнулся и коротко ударил «охраняемое лицо» в живот. Потом – еще и еще.

Бил уверенно и умело; не задевал ребра и щадил от разрыва печень. Четырех ударов хватило; глаза Виноградова закатились. Двое по бокам разжали руки; «шестьдесят шестой в списке «Форбс»» рухнул на колени и сбиланул. Если бы боец не успел отступить, попало бы на ботинки.

– Этого достаточно? – спросил Ковалев у своего рукава. – Или еще?

Голос в наушнике ответил.

Вопрос не поставил Виктора в тупик; он давно уже размышлял над тем, что делать дальше.

– В сложившейся ситуации я вижу две главные проблемы. Первая – пропавший документ. Если профессора убили наши враги, документ мы не найдем.

– Увы! – вздохнул командор.

– Если же это все-таки дело рук криминальных элементов, – продолжал Виктор, – предлагаю задействовать месье Жана. Он может выйти на контакт с преступными авторитетами и попытаться разыскать портфель.

– Это разумно. Одобряю, – кивнул командор.

Месье Жан расплылся в улыбке и галантно поклонился.

– К вашим услугам, мессир!

Но командор не был настроен шутить.

– Вторая проблема?

– Вторая, – доложил Виктор, – заключается в том, что мы потеряли аналитика. Человека, который мог бы квалифицированно работать с историческими документами и устанавливать взаимосвязь между ними.

– В Санкт-Петербурге больше нет историков? – спросил командор.

Виктор испытал досаду; но не разрешил электрическим импульсам привести в движение мимические мышцы. Поло-

жительно, этот «посланник из Рима» не понимал всех тонкостей работы; однако же субординация не позволяла реагировать на его некомпетентность снисходительной усмешкой.

– Даже опуская этическую сторону, хотя она, безусловно, важна, поскольку профессор был одним из нас и, как все мы, работал за идею... Так вот, даже не принимая во внимание этот момент, хочу сказать, что ученых такого уровня в России больше нет. И в мире – тоже.

Взгляд командора стал тяжелым; казалось, даже воздух в зале сгустился.

– Вы предлагаете свернуть работу группы?

– Полагаю, вы меня неправильно поняли, – поспешил ответить Виктор. – Работа группы должна продолжаться. Я лишь хочу отметить, что найти замену будет очень нелегко.

– Уверен, вы как-нибудь справитесь, – слова командора прозвучали, как приказ. А приказ не подлежал обсуждению.

– Я составлю список возможных кандидатур и представлю вам на утверждение.

– Работайте!

Виктор кивнул, жестом подозвал месье Жана. Вдвоем они вышли из зала.

Командор оглядел оставшихся.

– А вы, друзья мои? Чем намерены заняться?

– Чем-нибудь попроще, – ответил Ким. – Пожалуй, изобрету вечный двигатель, – с этими словами кореец скрылся в мастерской.

– Кажется, я ему не нравлюсь, – командор посмотрел на Валентина.

– Э-э-э... – Валентин опустил глаза; рука сама скакнула на рычажок управления креслом. – Я буду следить за информацией. Нельзя прерывать поток.

Послышалось жужжание моторчика; Валентин умчался к компьютерам.

Анна подошла к командору.

– Габриэль! Мы все немного нервничаем. Хотите кофе?

Командор с сомнением взглянул на кофе-машину; поджал губы.

Анна улыбнулась.

– Я приготовлю настоящий кофе. Как вы любите.

Юзеф ерзал на водительском сиденье. Он уже дошел до стадии беспокойства «барабанить по рулю» и находился совсем недалеко от черты, за которой начиналась стадия «грызть ногти».

Марину он заметил издалека. Она возвращалась домой вместе с каким-то незаслуженно высоким парнем; словно в насмешку над каблуками Юзефа Природа наградила парня светлой шапкой кудрявых волос, и от этого он казался еще выше.

Юзеф схватил мобильный, нажал «быстрый набор».

– Она возвращается! Уходи оттуда, скорее!

Марина со спутником вошли в подъезд. Юзеф отбросил мобильный и принялся грызть ногти.

Марина достала ключ, вставила в замочную скважину. Старик отозвался недовольным скрежетом. Марина применила силу – потребовалось чуть больше, чем обычно, – и замок открылся.

Марина вошла в квартиру, Митя – за ней.

– Вот это да!

– Что?

Митя показал на стены. Начиная с огромной прихожей, они все были увешаны картинами, гравюрами, кинжалами и

кремневыми пистолетами. На шкафах, комодах и тумбочках стояли статуэтки, вазочки и просто милые глазу безделушки.

– А, это. Да. Коллекция отца. Он обожал старые вещи. Считал, что у каждой из них, как и у любого человека, есть своя история.

– Это все – старинное?

– Предметы – аутентичные, – Марина заметила недоумение в Митиных глазах. – Ну, разумеется!

– То есть, экспонаты?

– Нет. Они не имеют ни художественной, ни исторической...

Марина замолчала. Холодок пробежал между лопаток. В квартире было что-то не так, и Марина скорее это почувствовала, чем поняла. Испугалась, не успев осознать, а когда осознала, испугалась еще больше.

– Здесь кто-то есть, – прошептала Марина и, выставив перед собой ключ, приставными шагами стала двигаться в сторону гостиной.

– Что?

Митя замешкался, но только на секунду. Взгляд упал на пистолет. Наверное, из него застрелили Пушкина. А, может, и Лермонтова тоже, – пронеслась дурацкая мысль. Следующая оказалась более дельной. Едва ли он заряжен.

Митя схватил со стены кинжал, догнал Марину и положил руку ей на плечо.

– А ну-ка, сестренка!

Митя отстранил Марину и пошел первым.

«Шестьдесят шестой в списке» выглядел неважно.

Возможно, всему виной были две «шестерки» в номере. А возможно, помидоры, съеденные на завтрак. Вчера днем их сняли с ветки и доставили самолетом прямо из Испании; но в наполовину переваренном виде, на побледневшем лице, они не впечатляли. До такой степени, что у бойца заурчало в животе: сгустки крови? Неужели перестарался? Вроде и бил вполсилы.

Сомнения разрешил Ковалев: он похлопал бойца по плечу и произнес еле слышное «пст!». Боец отошел. Ковалев присел перед тем, кто так умело ходил на руках, и постучал ему указательным пальцем по лбу.

– Запомни! Ты – никто! Ты – просто двойник. Говори только то, что написано. Тебе понятно?

Двойник стер помидоры с лица и кивнул.

В четырех километрах от здания, где проходил экономический форум; в большой квадратной комнате с глухими стенами, выкрашенными в белый цвет; на широкой кровати, покрытой простынями из тончайшего материала, используемого НАСА при изготовлении парашютов для спускаемых космических летательных аппаратов, лежал настоящий Виноградов. Абсолютно голый. Лишь узкое полотенце было на-

брошено на бедра, прикрывая мужское достоинство. Судя по ширине полотенца, стандартного размера; уж никак не «шестьдесят шестое» в мире.

Тончайшая ткань вовсе не являлась прихотью нувориша; насыщенной необходимостью.

Все тело Виноградова было покрыто гнойниками и язвами; эпителий отслаивался от основного слоя кожи на большом протяжении, образуя мешки, наполненные мутной жидкостью; при малейшем движении они разрывались, причиняя жуткую боль и оставляя на простынях обширные разводы.

В изножье кровати стоял Скворцов; человек в сером костюме; «правая рука» и «тень» Виноградова; ловил малейшее движение хозяина. Слева помещалась ширма, за ней – сиделка, лет тридцати, сидела на стуле и читала книжку в мягком цветастом переплете; на обложке – румяный мужчина с зализанной вороной гривой удерживал за талию грудастую блондинку, томно закатившую глаза.

У комнаты был вход – белая дверь с цифровым замком; и выход – огромный жидкокристаллический экран; он занимал всю стену справа от кровати. Экран показывал двойника.

Виноградов-настоящий через силу улыбнулся.

– Ну вот. Сейчас ты не в такой уж прекрасной форме. А?

– Это будет ему уроком, – эхом отозвался Скворцов.

Виноградов засмеялся; в горле надсадно хрипело; орга-

низму не хватало жидкости, все уходило через кожу – с сукровицей и гноем.

Виноградов потянулся к трубке, свисавшей через правое плечо; Скворцов уловил его движение; метнулся вперед и помог поднести трубку к губам. Виноградов с шумом втянул в себя подсоленную воду и махнул рукой. Скворцов нажал кнопку на пульте; изображение исчезло.

– Да. Теперь... Теперь... Будет знать.

Каждое слово давалось Виноградову с трудом. Глаза выкатились из-под ярко-красных воспаленных век; пенящаяся слюна падала на грудь.

– Эй! – воскликнул Скворцов, но не дождался ответа. Повторил громче. – Эй!! – но ответа снова не было.

Скворцов забежал за ширму, вырвал книжку из рук сиделки.

– Как тебя там? Ты не слышишь?

Сиделка встала, пригладила на толстых бедрах халат.

– Я – глухая, – механическим гнусавым голосом сказала она. – Сделайте так, – сиделка топнула широкой ступней, распирающей белый ботинок, в пол. По полу прокатилась ощутимая вибрация. – Тогда я приду.

– Ну да, ты глухая, – спохватился Скворцов. Так хотел хозяин: никаких посторонних ушей. И забился, замахал руками. – Ему плохо!

– Смотри на меня! – сиделка подняла палец, как учительница в начальной школе. – И говори медленно. Губами!

– Ему плохо, – повторил Скворцов.

– Я поняла, – сказала сиделка. – Ему плохо, – она отвернулась от Скворцова и стала набирать что-то из ампулы в шприц.

Скворцов вышел из-за ширмы; через пару секунд вышла сиделка. Она деловито подошла к Виноградову, ухватила левое предплечье «шестьдесят шестого», пригвоздила к кровати и стиснула, выщеливая набухающую вену.

– Нет! – закричал Виноградов. – Убери ее!

Скворцов ударил ногой в пол. Сиделка остановила движение руки и посмотрела на Скворцова. Скворцов и сам не знал, что делать.

– Но вы же – мучаетесь! – воскликнул он.

– Убери!

Скворцов сделал движение кистью; будто что-то отбросил. Сиделка ушла за ширму.

– Почему?

– Я... должен... страдать... – прохрипел Виноградов. –

Такова Его воля.

– Чья? – не понял Скворцов.

– Господа нашего. Иисуса Христа, – был ответ.

– Борис Михайлович! Я – атеист.

Виноградов ощерился. Обнажились желтые от налета зубы и почерневшие десны.

– Да? Атеист? Тогда – молись! Чтобы Он не наказал тебя так же, как меня.

Тело Виноградова выгнулось дугой. В наступившей тишине отчетливо слышался скрежет зубов; такой громкий, будто бы «шестьдесят шестой» перемалывал собственные челюсти.

Митя развел руками; в правой он сжимал искривленный кинжал с заржавленным лезвием.

– Никого нет. Чего ты так испугалась?

– Я не испугалась. Здесь кто-то был.

– С чего ты взяла?

Марина подошла к двери, отделяющей гостиную от комнаты отца.

– Смотри! Дверь была открыта вот так, – переместила ее на небольшой угол. – А сейчас она открыта вот так, – Марина вернула дверь на место, торжествуя посмотрела Митю; мол, какие тебе еще нужны доказательства?

Митя пожал плечами; фокус с дверью не произвел на него должного впечатления.

– Ладно, – не сдавалась Марина. – Стул рядом с тобой. Он стоял вот здесь, – Марина переставила стул.

Митя немедленно на него сел, положил кинжал на стол.

– Называется, приехал в Питер! У меня – сумасшедшая сестра.

Митя покосился на кинжал; на всякий случай снова взял его в руки.

– Я – не сумасшедшая, – возмутилась Марина. – Это – от отца. Когда работаешь с историческими документами, учишься обращать внимание на каждую мелочь. Это стано-

вится второй натурой, понимаешь?

– Ты – тоже историк?

– А кем я еще могу быть? Я – папина дочка!

Марина отвернулась, сложила руки на груди и стала глядеть в окно.

Стул за ее спиной скрипнул; тоненько пропел паркет. Митя подошел к Марине, обнял за плечи.

– Успокойся! Хорошо?

– Да, – Марина кивнула. – Хорошо. Давай займемся делом.

Она вернулась к столу, достала из сумочки конверт. Мысль о том, что предстоит привычная и очень важная работа, принесла успокоение.

– Мне потребуются прозрачная основа, легкий клей из рыбьих костей и пинцет.

– Пинцет – это я понял. Ты им выщипываешь брови. Он наверняка лежит в ванной. А где взять остальное?

Марина с улыбкой посмотрела на Митю.

– В кого ты такой кудрявый? Ты – правда мой брат?

– Не уверен, – на полном серьезе отвечал Митя. – Но я сын твоего отца, это точно.

Командор и Анна уютно расположились в углу зала; за столиком, таким маленьким, что им поневоле приходилось сидеть, едва не касаясь друг друга коленями.

Перед каждым стояла чашка, посередине – блюдо с палочками корицы. Анна украдкой наблюдала, как командор взял одну и обмакнул в кофейную пенку; немного подождал, потом – откусил размоченный кончик.

– Ну, как? – спросила Анна.

– По-прежнему. Великолепен, – ответил командор.

– Как тридцать лет назад, – уточнила Анна.

– Наверное, не стоит об этом вспоминать, – мягко заметил командор.

Но Анна его не услышала. Или – сделала вид, что не услышала.

– А я – помню. Все до мелочей. Наш госпиталь в Африке. Стены из лиан. Стены! Одно название. Можно было просунуть руку.

– Да, – после некоторой паузы отозвался командор. – Стены дырявые. И крыша из чего попало, – судя по тону, командор не числил эти воспоминания по разряду приятных.

– И эти воинственные племена, – продолжала Анна. – Убивали всех. Приходили и уходили, пока не появились вы. Солдаты удачи.

– Пули и гранаты сильнее копий и стрел, – сказал командор.

– У нас в госпитале – прибавилось работы. А стены остались такими же.

Анна увидела, что командор уже сгрыз одну коричную палочку и подвинула блюдце поближе к нему, хотя едва ли в этом была необходимость; сделала машинально, желая проявить заботу, но тут же смутилась и с преувеличенной серьезностью принялась размешивать свой кофе, нервно постукивая ложечкой по краям чашки. Повисло неловкое молчание.

– Как вам мой русский? – спросил командор.

– Что? – не сразу поняла Анна.

– Я могу выйти на улицу и разговаривать с людьми?

– У вас – хороший словарный запас, – поспешила похвалить Анна. – Но есть небольшой акцент. Певучий.

– Испанский?

– Да, но можете не опасаться. Здесь его примут за грузинский. Это не страшно.

– Я старался. Учил язык.

Командор довольно кивнул и захрустел новой коричной палочкой. В этом занятии не было ничего возвышенного, но Анна поневоле залюбовалась.

– Габриэль! – сказала она. – Ваш профиль нужно чеканить на золотых монетах.

Командор едва не поперхнулся.

– Анна! Господь с вами! На монетах изображают властителей. А я... Нет, ну что вы?

Теперь уже смутился командор: разве можно остановить влюбленную женщину, если она опять, как и тридцать лет назад, начала лепить в своем воображении идеальный образ?

На помощь пришел Валентин: неожиданно, но весьма кстати.

– Есть! – воскликнул он. – Входит в контакт!

Командор отложил палочку и поспешил к экранам.

Виктор увлеченно разглядывал витрину. На деле же его интересовали вовсе не итальянские костюмы и шелковые галстуки, красовавшиеся на безголовых манекенах, а отражение противоположной стороны улицы. Конкретно – дубовая дверь под неоновой вывеской «Корсар». Минуту назад за этой дверью скрылся месяц Жан.

Виктор поднес руку к уху, поправил гарнитуру. Тонкий провод тянулся к мобильному телефону, лежавшему во внутреннем кармане куртки. Телефон был напрямую связан с командным пунктом, а через него – с миниатюрным передатчиком, спрятанным в ухе вора; Валентин, командор и Анна (Ким так и не вышел из мастерской) могли слышать все, что происходит.

– Сколько с ним человек? – спросил Виктор.

– Трое, мамочка, – беззаботно ответил вор. – Всего лишь трое. Все вооружены. Столик – на одиннадцать часов от входа.

– Принял. Я снаружи. Страхую. Работай, – Виктор отошел от витрины.

– Мамочка! – захихикал вор. – Что бы я без тебя делал? Целую!

Виктор со скучающим видом фланировал по вечерней улице. Позади него, в пятидесяти метрах, горели красные

округлые буквы, складываясь в слово «Корсар». Ресторан «Корсар» принадлежал Петру Сергеевичу Силантьеву, известному в криминальных кругах под кличкой Сильвер.

Сильверу перевалило далеко за шестьдесят, и выглядел он соответствующе: как человек, много повидавший и переживший на своем нелегком веку.

Нависнув над темным столом из мореного дуба, Сильвер потянулся к запотевшему графинчику с водкой, налил рюмку. Перед ним стояла тарелка с селедочкой, на ржаном хлебце и под горчичным соусом; справа от хлебца лежали кольца красного лука, замаринованные в лимонном соке, слева – маленькая, с крупный горох, картошечка, приготовленная в золотистом мундире.

За столом, вполоборота, лицом к дверям, сидели трое громил в черных кожаных куртках; Сильвер был слишком консервативен в привычках и не собирался менять порядок одежды, заведенный в девяностые. Громилы по глоточку цедали пиво и по очереди курили, пуская дым в сторону, чтобы не досаждать хозяину.

Сильвер, не торопясь, выпил и так же размеренно, со смаком, закусил. Впрочем, плавность его движений была обманчивой; желтые, с черными точками по краям радужки, глаза внимательно следили за происходящим. Естественно, он не мог не заметить странного типа, который только что вошел в заведение; чесучовая пара, канотье и галстук-шнурок; того и гляди, запоет что-нибудь из репертуара Утесова. Или – из

«одесского цикла» Розенбаума.

Типчик был странный, и даже – более, чем; но он выложил перед подошедшим официантом крупные купюры; от желтых глаз Сильвера, прикрытых, как у варана, морщинистыми веками, не укрылась внезапная гибкость халдейской спины; официант отошел от столика, пятясь задом и почтительно кланяясь.

Сильвер наблюдал, что будет дальше.

Официант принес поднос с бутылкой самого дорогого коньяка; и четыре широких хрустальных бокала из резервного фонда, приберегаемого для самых особых случаев. Типчик небрежно сунул официанту еще одну купюру, и тоже – крупную. Официант ушел, оставив поднос и полотенце.

Странный посетитель зацепил взглядом один из бокалов, схватил его и долго протирал, пробуя хрусталь глазом на свет. Потом – повесил полотенце на предплечье, взял поднос и направился к Сильверу.

Сильвер негромко кашлянул. Громилы напряглись. Тот, что сидел ближе всех, встал и шагнул вперед, чуть-чуть отодвинув полу куртки, – так, чтобы была видна рукоять пистолета.

Месье Жан остановился и склонил голову, адресуясь непосредственно к главному.

– Кто ты? – спросил Сильвер.

– Человек, которого завораживают сила и власть, – был ответ, и Сильверу он понравился.

Снова раздался негромкий кашель; «ребята» были вышколены так, что слов не требовалось, но телепатией пока не овладели.

Второй громила забрал из рук вора поднос, первый – быстро охлопал субтильное телосложение прищельца и квалифицированно заключил.

– Чистый!

– Что надо? – спросил Сильвер.

Месье Жан вернул себе поднос и снова поклонился.

– Разрешите, в знак моего глубокого уважения и искреннего восхищения, преподнести вам этот скромный дар.

Сильвер прикрыл веки; месье Жан поставил поднос на стол, ловко открыл бутылку и плеснул коньяк в бокал. Вор зажмурил глаза и провел бокалом перед носом; выражение блаженства на его лице сменилось гримасой отвращения.

– Фу-у! Что за пойло? Прошу прощения, этот напиток вас недостоин. Собственно, он недостоин называться напитком.

Сильвер нахмурился.

– Это – мой ресторан, – медленно сказал он. – Хочешь сказать, здесь обманывают клиентов?

Стулья под громилами пришли в движение, громко царапая ножками пол. На побледневшей физиономии вора отразился неподдельный ужас.

– Ну что вы? – зататорил месье Жан. – Как можно! У меня и в мыслях не было! А если и обманывают, то только таких ничтожных, как я. И поделом! Позвольте мне загла-

дить свою вину.

Вор посмотрел на пепельницу с окурками, покачал головой и поставил ее на поднос. Затем – протиснулся между первым громилой и столом, подошел ко второму. Двинул рукой – и пустой стакан из-под пива тоже оказался на подносе. После чего – подошел к Сильверу, стал на колени, снял полотенце с руки и обмахнул им ботинки хозяина.

Это выглядело забавно. Сильвер даже коротко хохотнул; в тот момент, когда странный типчик протирал пустой ботинок; протез: напоминание о девяностых, как и черные кожаные куртки.

Месье Жан обогнул стол, напоследок неловко зацепив третьего громилу; подхватил поднос и накрыл полотенцем.

– Покорнейше прошу прощения, – жалобно проблеял вор и удалился.

– Комик! – сказал первый громила. – Выставить его?

– Он заплатил за коньяк, – рассудил Сильвер. – Пусть еще что-нибудь закажет. Это – бизнес.

Громила наморщил лоб; так, словно только что получил самый ценный в своей жизни совет и пытался запомнить каждую букву.

Тем временем месье Жан подошел к бару, выставил на стойку бутылку, бокалы, грязную пепельницу и пустой пивной стакан. Полотенце интригующе лежало на подносе.

Вор оглянулся, поклонился Сильверу; знал, что каждое его движение не остается без внимания. Потом – взял под-

нос и снова направился к столу.

На этот раз он не стал дожидаться процедуры обыска; застыл в двух шагах и пошевелил над подносом пальцами, будто что-то солил.

– И все же – у меня есть дары, достойные вас!

Теперь – никакого бляенья; голос звучал уверенно. Вор сдернул полотенце и поставил поднос на стол.

На подносе лежали: мобильный, выкидной нож и пистолет.

Первый громила хлопнул себя по груди, второй – по карману джинсов, третий – запустил руку сзади за пояс. Три пары глаз смотрели на месье Жана: то округлялись от удивления, то – суживались от злобы. Недостающие предметы экипировки были моментально разобраны.

Четвертая пара глаз, желтых с черными точками по краям радужки, оставалась неподвижной. Сильвер мягко положил ладони на стол.

– Впечатляет. Давай еще раз. Ты кто?

– Моя визитка – в вашем бумажнике, – ответил вор.

Сильвер – обеими руками – выстукал на столешнице быструю мелодию. Полез во внутренний карман пиджака, растянутого на локтях и спине. Достал старый истрепанный бумажник, открыл. Из бумажника извлек игральную карту – джокера. Под картинкой пляшущего человечка в дурацком колпаке была надпись, сделанная гелевой ручкой.

– Месье Жан, – прищурившись, прочитал Сильвер.

– К вашим услугам, – поклонился вор.

– Почему такое дурацкое имя?

– Я бы хотел назваться Сильвером. Но это имя было уже занято. Вами, мой господин! – последовал еще один поклон; достаточно глубокий для почтительного, но недостаточно – для подобострастного.

И Сильвер это видел. Громилы ловили каждое его движение, хотя бы мизинца; ждали сигнала, чтобы превратить вертлявого человечка в бессмысленный набор переломанных костей, удерживаемых лишь чесучовой парой, но сигнала не было. Сильвер, по обыкновению, медлил.

– У тебя – ловкие руки, – наконец сказал он.

– Спасибо! – верхняя губа вора взметнулась вверх, обнажив крупные белые зубы. Завитые кончики нафабранных усиков устремились к черным юрким глазам, словно норовили их выколоть. – Мама знала об этом, еще когда я был у нее в утробе.

Сильвер перешел к делу.

– Чего ты хочешь?

– Пять минут вашего драгоценного времени.

Сильвер посмотрел на тарелку: закуски было достаточно. Сильвер потянулся к запотевшему графинчику. Налил рюмочку. И – показал вору на стул. Напротив себя. Не рядом.

Марина перевернула документ и еще раз провела по нему руками; пусть рассыпавшиеся фрагменты получше приклеятся к основе.

– Что это? – спросил Митя.

– Письмо Суворочки.

Корень слова показался Мите знакомым; но суффикс звучал слишком уж игриво. Марина не спешила с пояснениями, поэтому пришлось спросить.

– Суворочка? Кто это?

– Наталья Александровна Суворова, дочь великого полководца. Однажды он сказал: «Смерть моя – для Отечества. Жизнь моя – для Наташи».

– Папина дочка? – уточнил Митя не без сарказма.

Марина оставалась серьезной; видимо, не замечала в выражении «папина дочка» того же подтекста, что и в «маменькином сынке». А, может, в «папиной дочке» его и не было. По крайней мере, в той степени, в которой он содержался в «маменькином сынке».

– Она пишет... Не знаю, кому. Судя по обращению «ма шер», женщине. В письме она рассказывает о последних днях жизни своего мужа. Он сильно мучился перед смертью, – Марина замолчала.

– Бедняга! – наугад отреагировал Митя.

– А мне его совсем не жалко. Заслужил!

Категоричный тон Марины поверг Митю в замешательство.

– Почему?

Марина перестала оглаживать документ, подняла голову.

– Ты не знаешь, кем был ее муж? – Марина смотрела в упор. С едва скрываемой злостью.

– Откуда? – смешался Митя.

– Действительно, откуда? Ведь у тебя отец – самый известный историк, занимавшийся той эпохой.

– Полегче, сестренка! Отец жил с тобой. Для меня он был «воскресным папой».

Марина смягчилась и снизила до серости брата.

– Ее муж – Николай Зубов. Убийца Павла Первого. Тот самый, который ударил императора золотой табакеркой в висок.

– Павел Первый? – знакомое имя из учебника истории. Короткая глава на пару страниц. Митя не помнил ни единого факта, но хорошо запомнил снисходительную интонацию. – Он ведь был сумасшедшим?

Лучше бы он этого не говорил.

– Только необразованный человек может так считать! – вспыхнула Марина. – Он был выдающимся государственным деятелем! Настоящим рыцарем! – Марина увидела раскаяние в Митиных глазах и понизила голос. – Вообще-то, он был Великим Магистром Мальтийского ордена.

Слово «мальтийский» звучало знакомо. «Орден» – тоже. Вместе – не складывалось.

– Мальтийский орден? – переспросил Митя.

Марина едва сдерживала негодование. Все можно простить, кроме человеческой тупости. В конце концов, зачем тебе мозги? Едва ли это – просто удобрение для пышных кудрявых волос.

– Есть несколько названий, – вразумляла Марина. – Мальтийский орден. Иоанниты. Они же – госпитальеры. Что-нибудь слышал?

Митя добросовестно напрягся.

– Госпитальеры – типа, как тамплиеры?

– Если говорить на твоём языке – гораздо круче.

– У них тоже были сокровища?

– Только безо всякого «были». Мальтийский орден существует и сейчас. В отличие от тамплиеров. Считается самым маленьким государством в мире, даже меньше Ватикана.

– А Ватикан – меньше Марьино? – подхватил Митя.

– Меньше.

– А Мальтийский орден – ещё меньше?

– По площади – да. Они занимают всего три здания. Мальтийский дворец и Магистральную виллу в Риме и форт Сент-Анджело на Мальте. По значению – вряд ли.

Митя почесал нос; спрашивать опасался, но любопытство пересилило.

– А как российский император стал Великим Магистром?

Марина окончательно смягчилась; разговор перешел в русло «скажи-ка, дядя»; самое привычное для историка дело. Она настроила голос на плавное звучание.

– В одна тысяча семьсот девяносто восьмом году Наполеон захватил Мальту, – Митя внимательно слушал, и Марина продолжала. – Рыцари обратились за покровительством к Павлу Первому. Он предложил им переехать в Санкт-Петербург.

– Они переехали?

Можно сердиться на того, кто мало знает. Нельзя сердиться на того, кто хочет узнать.

– Да. И в знак благодарности избрали Павла Первого Великим Магистром. Одно время мальтийский крест был изображен на гербе Российской Империи. Правда, очень недолго. Спустя два года Павла Первого убили в Михайловском замке.

– Зубов? – Митя опять стрелял наугад, но попал точно.

– Зубов, – вздохнула Марина. – И другие заговорщики.

– Может, они искали сокровища? Я думаю, рыцари привезли их с собой.

– Не знаю, что они искали. Но никто из них не разбогател.

– А что стало с орденом?

– Рыцари разъехались из Санкт-Петербурга. По всей Европе.

– Ну, а сокровища? – не унимался Митя.

Марина посмотрела на брата. Не хотелось рушить его

фантазии. Но наука – дороже.

– Это – легенда. Нельзя относиться к ней серьезно.

– Но отец почему-то поехал за этим документом. Там больше ничего не написано?

Марина положила документ перед Митей.

– Здесь написано, что Суворочка после смерти мужа нашла в его бумагах страницу из дневника Павла Первого. И спрятала ее.

Митя не взглянул на документ; он поставил локоть на стол, подпер голову, посмотрел на Марину.

– У тебя – проблемы.

– У меня? Да у меня их – множество, и ты – самая большая.

Митя пропустил ее слова, будто не слышал.

– У тебя – проблемы, – повторил он. – И очень серьезные.

– Почему? – насторожилась Марина.

– А что, если в этой странице сказано, где искать сокровища?

Скворцов сидел на стуле, вперившись в черный экран. Он уже видел, как двойника вывели из здания и усадили в лимузин. Ничего интересного. Потом Ковалев закрыл ноутбук, изображение пропало.

– Скворцов! – прошелестел слабый голос.

Скворцов встал и подошел к кровати.

– Я здесь, – он склонился над Виноградовым. – Можете говорить громче. Сиделка глухая, как вы и приказывали.

Мутно-серые глаза с тоской смотрели на Скворцова из-под немигающих воспаленных век.

– Врачи дают мне месяц, – сказал Виноградов.

Слеза потекла по изъязвленному лицу. Щека задергалась; соль разъедала оголенное мясо, причиняя боль.

– Они врут, – Виноградов попытался улыбнуться, но щека продолжала дергаться. – Две недели, не больше. Видишь? Если Господь решил покарать, ничто не поможет. Ни деньги, ни место в списке «Форбс». Ничто!

– В Израиле есть клиника. Я узнавал. У них – неплохие результаты, – Скворцов приосанился и старался говорить бодро. – Не надо терять надежду.

– Надежду? На что? На чудо? Ты же – атеист.

– Я говорю о вас.

– Надежды у меня не осталось, – слеза доползла до уголка

рта; Виноградов слизнул ее языком. – Но есть – вера. Я знаю, что меня спасет. Десница Иоанна Крестителя! Рука, которая крестила Христа и касалась его головы!

Скворцов выпрямился, огладил пиджак.

– Не уверен, что у Иоанна Крестителя было три правых руки. Но даже если так, мы испробовали все.

– Да. Испробовали, – согласился Виноградов. – И ни одна не помогла. Потому, что они – фальшивые.

– Скажите, где искать настоящую. И я ее найду.

Виноградов покрутился на подушке, пытаясь принять наименее болезненную позицию; волосы на затылке вылезли, кожа гноилась.

– Ты слышал про рыцарей Мальтийского ордена?

– Про то, как они перебрались в Санкт-Петербург?

– Они привезли с собой три священные реликвии ордена. Десницу Иоанна Крестителя, Филермскую икону Божией Матери, писанную евангелистом Лукой, и часть древа Креста Господня.

Скворцов кивнул.

– Реликвии хранились в церкви Зимнего Дворца. А после революции были вывезены в Европу, где их следы затерялись. Потом десница якобы нашлась. В черногорском монастыре, в Цетинье. Но мы там уже были.

– У меня только одно объяснение, – прохрипел Виноградов и показал глазами на трубочку. Скворцов помог ему вставить трубочку в рот. Виноградов сделал несколько глу-

боких затяжек, после чего его голос стал звучать более отчетливо. – Павел Первый был не настолько глуп, чтобы выставлять святыни на всеобщее обозрение. Он заменил их копиями. А подлинники – до сих пор где-то здесь, в Санкт-Петербурге.

– Где именно?

– Если бы я знал, то не мучился бы так! – Виноградов подался вперед, намереваясь подняться. Оторвался от подушки на целых два сантиметра. – Найди мне десницу. Прошу! Я отдам тебе все, что у меня есть.

– Я сделаю все, что смогу, – заверил Скворцов.

По ослабевшим мышцам Виноградова пробежала дрожь. Он без сил рухнул обратно на подушку. Рот искривился гримасой боли. Но в мутно-серых глазах поселилась надежда.

Марина от досады стукнула кулаком по столу.

– Я уже говорила! Сокровища – это миф!

Митю это вовсе не смутило.

– Неважно, веришь ты в них или нет! Главное, что верит кто-то другой, – Митя насупился и припечатал. – Тот, кто убил отца.

– Ты думаешь... – у Марины перехватило дыхание. Она по-другому посмотрела на документ. Подтянула к себе и ткнула пальцем. – Ты думаешь, все – из-за этого? Глупости!

– Тебе звонят и молчат в трубку, – наседали Митя. – Квартиру обыскивали.

– Нет. Теперь я думаю, что мне показалось.

Марина попыталась отгородиться от реальности; в детстве она так пряталась под одеялом; но струйка холодного воздуха все-таки заползала, всегда непонятно откуда. И только отец мог ее остановить; подойти, услышав ворочанье дочери, и подоткнуть одеяло.

Сейчас отца не было. Но струйка ползла. В словах Мити была правда.

– А если – нет? – продолжал он. – Если кто-то охотится за этим письмом?

Это действительно многое объясняло.

– Я завтра же отнесу его в полицию, – заявила Марина.

– Пф-ф-у! – Митя с шумом выпустил воздух. – Не работает!

– Почему?

– Надо сделать это широко. Сообщить всему миру. Тогда смысл охоты пропадет. Кому нужен секрет, если его все знают?

Марина погрозила Мите пальцем.

– А ты соображаешь!

– Я должен заботиться о тебе. У тебя есть компьютер?

Марина оглянулась, неопределенно махнула рукой.

– Да, там, в углу. Я накрыла его салфеткой, чтобы не пылился.

Митя уже стоял у окна. Он снял салфетку и с недоумением уставился на Марину.

– Вот эта рухлядь?

– Рухлядь? Ну, знаешь! Я купила его четыре года назад.

– Четыре года? – Митя рассмеялся. – Да это же – вечность!

Вор вольготно расположился напротив Сильвера. Третий громила, у которого месье Жан стянул пистолет, вытянул ноги и, будто бы случайно, задел вора; при этом – не переставал сверлить его грозным взглядом.

– Говори, – сказал Сильвер.

Вор подался вперед.

– Мой господин! Мне бы не хотелось обременять ваших высокоинтеллектуальных спутников совершенно лишней для их волосатых ушей информацией.

Смахивало на вызов. Сильверу хватило бы пальцев на обеих руках и одной оставшейся после давнишнего покушения ноге, чтобы пересчитать людей, которые осмеливались говорить с ним в таком неподобающем тоне. Но этот вертлявый субчик определенно чем-то очаровывал. Была в нем какая-то завораживающая легкость. А может, дело в том, что в свое время, давным-давно, Сильвер очень любил выступления Арутюна Акопяна; непревзойденный артист работал на сцене с засученными рукавами и доставал из воздуха то колоду карт, то платочек; сам Акопян говорил «платочка», но Сильвер уже тогда понимал, что это – лишь еще один способ отвлечения зрительского внимания. Молодой Петр Силантьев, вдохновленный искусством Акопяна, даже пытался тренироваться и преуспеть в нечестной карточной игре; ров-

но до тех пор, пока его однажды крепко не побили; тогда-то он окончательно осознал: талант – талантом, но грубая сила – лучше. Особенно – когда речь идет о перемещении денежных знаков из одних карманов в другие.

Сильвер выпил рюмочку, взял нож и вилку, отрезал кусочек селедки и закусил, всем своим видом показывая, насколько поглощен этим занятием. Потом коротко махнул – ножом и вилкой – в разные стороны. Громилы все поняли. Они поднялись и ушли за столик в противоположном конце зала, оставив над головой вора черную тучу мысленных угроз.

– Что за секреты? – спросил Сильвер.

– Помилуйте! Разве в этом городе для вас есть какие-то секреты? – вопросом на вопрос ответил вор.

– Для меня – нет. Но тебя я вижу впервые.

– Потому, что я очень тихий и скромный юноша, – проворковал вор.

– Переходи к делу!

Месье Жан только этого и ждал – заинтересованности.

– На прошлой неделе, – начал он, – недалеко от Московского вокзала, один человек, испортивший зрение над умными книгами, завершил свой жизненный путь.

– Помогли? – сразу ухватил суть Сильвер.

– Чисто по-дружески. Нож в сердце.

– Хочешь знать, кто его подрезал?

Вор поморщился.

– У старика была привычка иметь пустые карманы. Между нами говоря, считаю, что это – правильно. Хотя, с профессиональной точки зрения, – очень грустно. Он все носил в портфеле. Мне нужен портфель.

– Что в нем?

– Термос, бутерброды, носовой платок, старые бумаги. Ничего такого, что могло бы вас заинтересовать.

Сильвер приподнял бровь.

– Хочешь меня обмануть?

– Боже избави! – заверил вор. – Я понимаю, что даже мысль об этом может быть очень опасной для здоровья.

– Я проверю, что там. В портфеле.

– Вы меня опередили! Я сам собирался просить вас об этом.

– Допустим, я найду портфель, – Сильвер потянулся за графинчиком. – Что взамен?

Месье Жан положил на стол узкие кисти, поиграл тонкими длинными пальцами; они порхали над темным дубом, как крылышки колибри, зависшей над цветком.

– Вот эти вот гениальные руки. Когда вам будет угодно и где вам будет угодно.

Сильвер ощерился. Цена его устраивала.

Марина положила трубку на рычаги. Она и не ожидала, что все окажется так просто. Декан согласился, причем – очень быстро.

– Договорилась. Завтра актовый зал будет в моем распоряжении. Ровно в полдень. На один час.

– Здорово! – отозвался Митя, не отрываясь от компьютера.

– Куда уж лучше! Придут от силы пять человек. И это называется «сообщить всему миру»?

– Не волнуйся! Я работаю над этим.

Марина подошла к Мите и заглянула ему через плечо. То, что она увидела на экране, повергло в шок.

– Ты с ума сошел! Я – серьезный историк! Как я потом буду людям в глаза смотреть?

– С улыбкой, – невозмутимо отвечал Митя.

– Немедленно удали! – потребовала Марина.

– И не подумаю. Я разослал приглашения всем своим друзьям. А их – пять тысяч.

– Твои друзья приедут из Москвы?

– Есть из Питера. У меня аккаунты – во всех социальных сетях. Кроме того, я веду свой блог.

– У тебя есть собственный блог? – с нескрываемым презрением спросила Марина.

– А что в этом такого? – парировал Митя. – Как выяснилось, Павел Первый тоже его вел. Только на бумаге.

– Павел Первый вел дневник, – Марина сделала ударение на слове «дневник».

– В чем разница?

– Блог – для бездельников. А дневник – для истории. Видел бы отец... – это казалось ей неотразимым аргументом.

Но Митя и тут не растерялся.

– Он бы меня одобрил. – Митя ни разу не обернулся на сестру; что-то выстукивал на клавиатуре, открывал новые окна и перетаскивал «мышкой». – Мы пропустили обед. Скоро ужин.

– Яичница! – возвестила Марина. – С помидорами.

– О! Фирменное блюдо. Еще пару лет, и ты научишься варить макароны.

Марина окатила гневным взглядом кудрявый затылок, развернулась и, нарочито громко топая, ушла на кухню.

Митя продолжал выжимать из компьютера соки четырехлетней давности. Судя по всему, результат ему нравился. Что бы Марина ни говорила о репутации ученого, сейчас нужно было привлечь внимание.

Виктор сидел на лавочке и читал газету, поглядывая поверх листов на дверь под вывеской «Корсар». Он насчитал уже две подгулявшие компании и три влюбленные парочки, покинувшие заведение, а вор все никак не выходил. Правда, Виктор слышал разговор месье Жана с Сильвером; Валентин задействовал все технические возможности, трансляция была безупречной, но Виктору не хватало визуальной информации. Он знал, что вор может перегнуть палку. И тогда...

Разумеется, разобраться с тремя бандитами, не прошедшими специальную подготовку, не составляло особого труда; полторы секунды, и у каждого из них появилась бы дырка в переносице диаметром девять миллиметров; а уж медленная тупоконечная пуля, выпущенная из пистолета Макарова с близкого расстояния, оставила бы выходные отверстия размером с небольшое блюдце, но что дальше?

Телевизионные сюжеты, журналистские расследования, следствие. Много шума. А для работы группы поиска требовалась абсолютная тишина. Ни слова. Ни взгляда. Ни намека, что они вообще существуют. Поэтому Виктор нервничал.

Наконец дверь открылась, и вышел вор.

Месье Жан поплыл по улице, вихляя бедрами, что, по мнению Виктора, выглядело чересчур вызывающе.

Виктор долго делал вид, что старательно складывает тре-

пыхающуюся на ветру газету, и наконец дождался.

Под красными буквами «Корсар» появились двое громил в черных кожаных куртках: один пялился по сторонам, изображая праздное гулянье, а второй – шагал целеустремленно, ни на секунду не отрывая взгляд от спины вора.

Виктор вздохнул с облегчением, поправил гарнитуру.

– За тобой – хвост!

– Вижу, – ответил вор. – Два упитанных борова с мозгами, заплывшими жиром. Сбросить?

– Ни в коем случае. Пусть думают, что у них все под контролем. Не води их домой. Переночуй в гостинице.

– Не волнуйся, мамочка! – заверещал вор в наушнике. – Я уже взрослый. Найду, где переночевать.

Виктор свернул газету, сунул под руку.

– Я ухожу. Страховки больше нет. Будь осторожен!

– За меня не беспокойся! – ответил вор.

Виктор улыбнулся. Месье Жан доставлял определенное беспокойство, но если касалось работы, – делал ее безукоризненно.

Виктор еще раз посмотрел на громил. Оценил. И по походке, по движениям головы и рук, – понял. У них приказ – только следить. Ничего опасного. Можно возвращаться.

Виктор зашагал в противоположную сторону.

Командор расправил плечи. Все это время он стоял, согнувшись, уперев кулаки в край компьютерного стола, и слушал переговоры: сначала – Виктора с вором, потом – вора с Сильвером, потом – опять Виктора с вором.

– Мы можем проследить, что будет дальше, – сказал Валентин. – Этот терминал подключен к камерам наружного наблюдения всего города. От магазина к магазину, от ресторана к ресторану и так далее.

На экране появился месье Жан; громилы следовали за ним на почтительном расстоянии.

Командор показал на вора.

– Он – всегда такой несерьезный?

– Он – веселый, – робко вступился Валентин.

Анна положила руку на плечо командора.

– Вообще-то, у него есть некоторые психоэмоциональные отклонения... И довольно существенные.

Командор резко развернулся; так, чтобы рука Анны покинула его плечо.

– Что это значит? Он – безумен?

– Скорее, балансирует на грани, – ответила Анна. – Но работа не дает ему соскользнуть на темную сторону.

– Месье Жан, – командор покачал головой. – Откуда это взялось?

– Его зовут Андрей Бука, – объяснил Валентин. – Молдаванин. Начал воровать с трех лет. Ему слишком часто приходится менять имена. Настолько часто, что бывает трудно запомнить. Поэтому с каждым разом он выбирает все более... Экстравагантное.

– Глупо, – сказал командор.

– На мой взгляд, «Сильвер» тоже звучит не очень, – возразил Валентин.

– Ох, уж эти русские воры в законе! Придумывают себе красивые клички, а хоронят их под какими-то простецкими фамилиями. Кстати, почему он Сильвер? Неужели этот узколобый читал «Остров сокровищ»?

– В девяносто втором, во время четвертого покушения, ему взрывом оторвало ногу, – сообщил Валентин. – Так что, похоже, Стивенсона он читал. Да и ресторан называется «Корсар».

– Четвертого покушения? – переспросил командор.

– Всего было около десяти, – поведал Валентин. – Он – живучий. И очень опасный.

Командор усмехнулся.

– Около десяти! Это значит, что с ним работали дилетанты.

Из колонок донесся громкий скребущий звук. На экране замелькал, увеличиваясь и опять уменьшаясь, красный круг с восклицательным знаком в центре.

– Что это? – спросил командор.

– Система автоматического оповещения. Она запрограммирована на поиск и распознавание ключевых слов.

Валентин пробежался по клавишам; открылся подозрительный сайт. На экране возникла яркая картинка: здесь все было в беспорядке. Мальтийские кресты, открытые сундуки, набитые золотом, пальмы и пиратский флаг – «Черный Роджер». Череп и кости.

Командор сощурился. Охлопал себя по карманам, достал из футляра очки, но надевать не стал: держал на отлете.

– «Хочешь узнать, где спрятаны сокровища Мальтийского ордена? Приходи завтра, в двенадцать ноль-ноль, в актовЫй зал исторического факультета...». – Командор убрал очки в карман. – Такое часто бывает?

– Бывает всякое... – начал Валентин.

По экрану, от левого обреза к правому, поплыла мультяшная блондинка; пышные формы распирала весьма лаконичный купальник; за широкий кожаный ремень были заткнуты кривой кинжал и пистолет; блондинка прижимала пальчик к ярко-алым губам и время от времени подмигивала. Она доплыла до правого обреза и скрылась; тут же снова появилась, опять слева.

– Но такого еще не было.

– Мы должны как-то отреагировать? – спросил командор.

– Мы реагируем на каждый сигнал, – ответил Валентин. –

Я свяжусь с Виктором.

Блондинка путешествовала по сети. За считанные миллисекунды она добралась до комнаты с белыми стенами и появилась на огромном экране. Выпрыгнула с левой стороны и поплыла направо.

Скворцов выглядел озадаченным.

– Даже не знаю, как это расценивать.

– Как знак! – заявил Виноградов.

Своей подчеркнутой вульгарностью блондинка напомнила жену; он не видел ее полтора года, и уже год тянулся склочный бракоразводный процесс; поэтому Виноградов обозначал ее не иначе, как словом «бывшая».

– Похоже на бред сумасшедшего, – вставил Скворцов.

– Тогда послушай бред умирающего, – со злостью сказал Виноградов. – Пошлешь туда людей. Мне нужно знать все!

Скворцов кивнул.

Марина сидела в маленькой комнате, смежной с актовым залом, и отчаянно трусилась. Из-за двери доносился ровный гул: так шумел Финский залив поздней осенью.

Марина не боялась публичных выступлений; она неоднократно читала студентам лекции, подменяя заболевшего отца, но тогда было совсем другое дело. Она рассказывала общепризнанные факты; то, что собиралась сделать сейчас, было преступлением против науки.

Господи, что я творю? – думала Марина. – Может, еще не поздно убежать? Нет, убежать нехорошо, тогда достанется Мите. Лучше я... Лучше я... Потеряю сознание! Да! Упаду в обморок – чем не выход?

Она огляделась и прикинула, как лучше расположиться на полу, изображая из себя трепетную тургеневскую барышню. Но комната, где отдыхали лекторы в перерывах между «сорокапятиминутками», была слишком маленькой; пришлось бы лечь по диагонали, и то – подогнув ноги. Собственно, а почему бы и не подогнуть?

Дверь открылась, и Митя прервал ее размышления.

– Готова?

Марина что-то промычала в ответ.

– Хорошо. Я тоже готов, – сказал Митя. – В зале – полно народа. А ты говорила – никто не придет. Надо было прода-

вать билеты.

– Что ты со мной делаешь? – всхлипнула Марина.

– Иди!

Митя взял ее под руку и вытолкнул в зал. Теперь...

...оставалось пройти несколько шагов до трибуны. Ноги заплетались, но Марина с этим справилась. Бурные рукоплескания помогли. Марина неловко взошла на трибуну.

– Здравствуйте! – сказала она. И добавила. – Друзья!

«Друзья» замолчали и уставились тремя сотнями пар разноцветных глаз. Митя расположился за пультом управления и оттуда показал большой палец.

Публика собралась самая разнообразная.

Ковалев сел в седьмом ряду, строго по центру. Открыл ноутбук, нацелил встроенную камеру на трибуну и тихо спросил.

– Вам хорошо видно?

Справа и слева от Ковалева сидели молодцы в серых костюмах – люди Виноградова.

Месье Жан пришел пораньше и занял место в первом ряду. Из правого угла пятого ряда за каждым его движением следили двое громил Сильвера; само здание университета казалось им смертельно скучным, а уж актовый зал и перспектива слушать какую-то лабуду и вовсе нагоняла сон; но

за воров приказано было следить, и они старались, как могли.

Где-то на двенадцатом ряду слева, среди молодежи, устроились черноволосый Мануэль и желтолицый нервный Юзеф; они шли за Мариной и Митей от самого дома на Марсовом поле.

Между зрительскими рядами, поднимавшимися кверху амфитеатром, и возвышением, на котором стояла трибуна, неторопливо расхаживал Виктор. На шее у него висел бэджик с надписью «Пресса»; такой яркой, что моментально приковывала к себе внимание. Виктор держал в руках большой профессиональный «Кэнон», постоянно фотографируя и закрывая аппаратом лицо; таким образом, он был в самом центре событий, оставаясь при этом незамеченным.

Марина начала выступление. Начала издалека, рассказывая то, что и так было известно. Про образование в 1080-ом году госпиталя в Иерусалиме. Про 1099-ый год и Первый крестовый поход, в результате которого мирные врачи превратились в воинственную и могучую силу; стали военно-религиозной организацией, но тяги к лечению не утратили. Про то, как в 1187-ом году, после изгнания из Святой Земли, рыцари перебрались на остров Родос, построили там неприступную крепость и занялись откровенным пиратством, наводя ужас на всех торговцев, пересекавших Средиземное море. Про то, как в 1522-ом году на Родос высади-

лось двухсоттысячное войско Сулеймана Великолепного, и семь тысяч рыцарей в течение шести месяцев доблестно выдерживали жестокую осаду, после чего им, воздав воинские почести, с оружием и непосрамленными знаменами, позволили отступить на Сицилию. Про то, что уже через семь лет они обосновались на Мальте и принялись за старое – громить и грабить проходящие суда. Отдельно Марина заострила внимание слушателей на том, что рыцари давали три обета: послушания, бедности и безбрачия; поскольку обет безбрачия предполагал отсутствие наследников, все имущество рыцаря после его смерти отходило к ордену. Это была плавная «подводка» к сокровищам.

Марина быстро прошла по Мальтийскому периоду, упомянула недобрым словом Наполеона, мимоходом, по пути в Египет, захватившего в 1798-ом году Мальту; и добрым – Павла Первого, предложившего рыцарям убежище в Санкт-Петербурге.

– Существует гипотеза, – сказала Марина и тут же оговорила. – Не признанная официальной наукой! Так вот, существует гипотеза, согласно которой рыцари Мальтийского ордена перевезли все свои сокровища сюда, в Санкт-Петербург.

Ковалев неожиданно поднял руку и, пользуясь наступившей тишиной, спросил.

– Всего лишь гипотеза?

– Она пока не получила подтверждения, – сказала Мари-

на.

– Одну минуточку! – остановил Ковалев. – Так они перевезли или нет? Сокровища здесь, в Санкт-Петербурге, или – в другом месте?

Повисло молчание. Все ждали продолжения.

Виктор незаметно сфотографировал Ковалева. Потом, уловив на двенадцатом ряду неподдельный интерес, быстро снял Мануэля и Юзефа. Громил он давно уже запечатлел; на всякий случай; это были те же самые, что вчера вышли из «Корсара» вслед за вором.

– Я не знаю, – честно ответила Марина. – Но вполне допускаю такую возможность. У меня есть документ, который разыскал в архивах мой отец. Этот документ может многое объяснить.

– Что за документ? – не унимался Ковалев. Едва ли это был его собственный интерес; скорее, транслировал то, что слышал в наушнике.

– Письмо Натальи Александровны Суворовой неизвестному адресату, – сообщила Марина. – В письме она рассказывает о последних днях жизни своего мужа, цареубийцы Николая Зубова.

– Вы нам его покажете? – спросил Ковалев.

– Разумеется. Для этого я вас и пригласила. Будьте добры! – Марина повернулась к Мите. – Задерните шторы.

Митя нажал кнопку на пульте управления. Шторы поползли, закрывая окна.

– Покажите документ, – сказала Марина.

Митя положил склеенное письмо на площадку, включил проектор. На большом белом экране позади Марины возникло бледное изображение документа: желтая бумага, местами тронутая плесенью, и чернильные буквы. Марина взяла указку.

– Очень плохо видно. Пожалуйста, выключите свет.

Митя потянулся к пульту. Рука зависла над выключателем... Вдруг! Свет во всем зале погас сам, без его участия. Наступила темнота.

Экран внезапно стал черным.

Виноградов не мог понять, что случилось. Он ловил каждое слово Марины, каждый звук; интонацию и любой нюанс речи; обстановку в зале и шум за кадром. Сказывалась многолетняя привычка анализировать прежде всего поток информации, а потом уже – проблему в отдельности.

– В чем дело? – спросил Виноградов. – Скворцов! В чем дело?

– Наверное, прервали трансляцию, – предположил Скворцов.

– Нет! Я слышу звук! Ты слышишь звук?

Скворцов прислушался. Из динамиков доносились гул, отдельные фразы, потом раздался отчетливый вскрик; что угодно, но только не голос Марины.

– Где картинка? – закричал Виноградов.

– Я разберусь, – Скворцов поднес мобильный к уху.

Виноградов откинулся на подушку. С одной стороны, все шло не так, как надо: он не узнал то, что хотел. С другой – все шло именно так, как надо. Кто-то, пока неизвестно, кто, хотел помешать раскрытию тайны; это означало, что тайна есть.

Если бы ее не было вообще, Виноградов был бы бессилен. Но, коли она существует, Виноградов докопается. Это – в его

силах. Впереди – целых две недели.

В актовом зале внезапно загорелся свет, и картина стала ясна.

Докладчика за трибуной – нет, изображения документа нет и самого документа – тоже нет. Митя стоял рядом с проектором и потирал рукой стремительно набухающий синяк под правым глазом; пока только бодро-румяная опухоль; но пару дней спустя она обещала перерасти в огромный полноценный фингал, сияющий как минимум четырьмя из семи цветов радуги.

Внимательный наблюдатель также заметил бы исчезновение фотокорреспондента с кричащим бэджиком «Пресса» на груди; вора в первом ряду тоже не было.

Зато – были суетящиеся громилы; они расталкивали людей, без стеснения били их по головам и рвались вниз; достигнув первого ряда, долго ругались и вслух размышляли, в какую сторону бежать.

Юзеф и Мануэль степенно встали и, спустившись по ступенькам, прошествовали к выходу; как раз мимо громил; те хотели толкнуть Юзефа, но, встретив неподвижно-кипящий взгляд черных глаз Мануэля, остереглись, что было правильно.

Ковалев не двинулся с места, лишь переставил ноутбук.
– Вы – все видите? Что мне делать?

Виноградов сориентировался мгновенно.

– Не упустите мальчишку!

– Проследите за мальчиком, – повторил Скворцов в трубку.

– Я был прав, – торжествующе сказал Виноградов. – Это – знак!

– Установите контакты, – инструктировал Скворцов Ковалева. – Без моего приказа не трогать.

Было душно и темно. Вот и все, что чувствовала Марина. Душно и темно! Душно и темно! Нет, так не годится. Паника – последнее, что ей бы теперь помогло. Марина постаралась взять себя в руки – в переносном смысле, поскольку чувствовала, что в буквальном – она и так находится в руках, но – чужих и очень крепких.

Итак. В зале погас свет, и наступила темнота. Что дальше? Послышался вскрик; громкий, совсем рядом; Марина готова поклясться, что это был голос Мити. А потом?

А потом – кто-то накинул ей на голову мешок, стиснул руки, лишив возможности сопротивляться, подхватил и понес. Как? Марина помнила, что ноги болтались где-то внизу, а голова была на уровне ног, и основную тяжесть тела принял на себя живот. Значит, ее несли на плече. Можно ли считать эту информацию полезной? Вряд ли. Но, пока голова работает, надо думать дальше.

А что происходит сейчас? Судя по звуку мотора, ее куда-то везут. Она лежит у кого-то на коленях, с мешком на голове, и руки по-прежнему стиснуты чьими-то крепкими пальцами. Да что же такое происходит?

Появился новый звук: шуршание гравия под колесами. Машина сбавила ход и ехала, плавно покачиваясь. Потом – остановилась.

Раздался щелчок; дверца открылась. Марине помогли выйти: вовсе не грубо; скорее, наоборот, – заботливо. Руки освободились, и первое, что Марина сделала, – стащила с головы мешок.

Она увидела, что находится на пустыре в какой-то промзоне на берегу Финского залива. За спиной стояла машина; та, на которой ее привезли. У водительской двери – чернявый «мелкий бес» с завитыми усиками; бес приподнял канотье и улыбнулся.

Рядом стоял блондин лет сорока; по виду – никак не богатырь, но Марина сразу поняла – это он сграбастал ее в охапку и утащил из зала. Блондин находился совсем близко, взгляд его был спокоен; Марина решила, что лучше не делать резких движений: зачем понапрасну злить человека с такими руками? Она мельком взглянула на его руки: обычные, белые, небольшие.

На другом конце пустыря стояла еще одна машина, и от нее к Марине направлялись двое: мужчина, лет шестидесяти, выступал величественно, как испанский гранд; женщина с короткой седой стрижкой держалась на два шага позади.

Блондин сделал приглашающий жест. Марина пошла вперед, навстречу гранду и седой женщине. Блондин сопровождал. Чернявый бес держался поодаль: дефилировал этакой развинченной походочкой, словно у него напрочь отсутствовали суставы; при этом – не забывал крутить головой на триста шестьдесят градусов.

На середине пустыря Марина остановилась.

– Здравствуйте, Марина Сергеевна! – сказал гранд.

Марина еще больше успокоилась: если ее знают и называют по имени-отчеству, может, не все так плохо?

– Кто вы такие? Что вам нужно? – она решила сразу перейти в атаку. А может, просто скопившийся страх требовал немедленного выхода.

– Мы не причиним вам зла, – сказал гранд. – Где документ?

Блондин достал из-за пазухи письмо Суворочки (основа не позволила ему рассыпаться) и передал гранду.

Вот тут-то все и стало на свои места! Марина вспомнила слова Мити; теперь она и сама понимала, что все беды – из-за этого проклятого документа.

Страх уступил место ярости; эмоции намного опередили мысли.

– Так это вы убили моего отца? – зловещим голосом произнесла Марина и бросилась вперед с твердым намерением вцепиться гранду в горло.

Ей удалось сделать только первый рывок; каким-то неопостижимым образом блондин сократил пространство и снова стиснул Марину; можно было сказать «заклучил в объятия», но от этих объятий перехватило дыхание. О сопротивлении опять не могло быть и речи.

– Кто еще, кроме вас, знает содержание этого документа? – спросил гранд.

Блондин чуть ослабил хватку.

– Никто, – прохрипела Марина.

– А молодой человек? Который помогал вам? Кто он?

– Он не читал! – соврала Марина.

– Допустим, – гранд пригладил волосы. – Вы никому не должны говорить о письме. Это может привести к очень тяжелым последствиям.

И тут... Скорее всего, не к месту, но в Марине заговорил ученый. Страх ушел, ярость ослабла, на первое место вышла подлинная сущность.

– Это письмо нашел мой отец. И я вправе распоряжаться им, как хочу.

Конечно, звучало это глупо; особенно учитывая обстоятельство, что Марина не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, а письмо Суворочки было у гранда. Но он, как ни странно, не разразился мефистофельским смехом. Просто спросил.

– Вы знаете, кем был ваш отец?

– Историком. Автором книг. Заведующим кафедрой исторического факультета.

– И все?

– А кем еще? – Марина внутренне похолодела, ожидая, что услышит какую-нибудь мерзость.

Но то, что сказал командор, превосходило все ожидания.

– Рыцарем Мальтийского ордена. Одним из нас.

Марина обмякла. Блондин это почувствовал и разжал

объятия; ровно настолько, чтобы не дать ей упасть. Прошло несколько секунд. Блондин отстранился и взял ее под локоть. Оказывается, эти руки могли быть не только жесткими.

Но эта мысль промелькнула где-то позади, как второстепенная; на первом плане пульсировала другая: отец – рыцарь?

Командор, не оглядываясь, протянул руку. Анна вложила в нее пачку фотографий.

– Посмотрите, – командор отдал фотографии Марине.

Марина взяла пачку в руки и машинально отметила, что снимки старые; не отпечатаны с цифровой копии на принтере, а сделаны в фотолаборатории.

Марина перебирала снимки и с каждым движением все больше понимала, что она ничего не знала о своем отце. Вот отец – в Риме. Давно. Костюм и борода, пока без очков. А вот – фотография здания; с виду – не сильно выделяющегося среди остальных. А вот – отец в парадном одеянии мальтийского рыцаря; и вокруг него – другие, такие же. Рыцари.

– Рим, – пояснил командор. – Виа Кондотти, шестьдесят восемь. Мальтийский дворец. Главная зала. Церемония посвящения в рыцари. Одна тысяча девятьсот девяносто восьмой год от Рождества Христова.

Двадцать лет! – подумала Марина. – Двадцать лет он жил рядом со мной, и ни словом...

– Посмотрите на обороте, – сказал командор.

Марина перевернула фотографию и увидела почерк отца;

мелкий, бисерный, четкий. В голове возник его голос. «Когда-нибудь ты узнаешь, – писал отец. – И все поймешь». Она узнала. Но, откровенно говоря, ничего не поняла.

Марина подняла глаза. Рядом с ней стояла Анна.

– Можно, я... – Марина замешкалась. – Можно, я оставлю это себе?

– Конечно, нет, – ответила Анна и мягко забрала фотографии.

Марина стояла посреди пустыря. Небо было серым. Ветер с залива охлаждал лицо. Гравий хрустел под ногами. Все было, как обычно. И в то же время – Марина ощущала, что стоит не посреди пустыря, а в центре перевернувшегося мироздания. Слова командора доносились откуда-то издалека.

– Если вы не хотите погубить дело, ради которого ваш отец отдал свою жизнь, никому не говорите, что здесь написано. Обещаете?

Желтым пятном поплыло письмо Суворочки; командор держал его перед глазами Марины. Оставалось только кивнуть и наблюдать, как в этом перевернутом мироздании удаляются прямая спина командора и мальчишески задорная, но абсолютно седая, стрижка Анны.

Голос Виктора вывел Марину из задумчивости.

– Простите! Я вас не сильно помял?

Марина обернулась.

– Что?

– Я нес вас на плече от актового зала до машины.

Теперь, когда ей больше ничто не грозило, Марина окончательно пришла в себя. Оказалось, что и в изменившемся мире было место для злости.

– Поздравляю! У вас – сильные руки, – сказала и осеклась.

Да что она так заиклилась на его руках? Даже лицо толком не разглядела. Впрочем, лицо себя ничем особенным не проявило.

– Извините! Мы не могли позволить, чтобы содержание письма стало известно посторонним. Они были в зале.

– Как мило!

– На какое-то время вам лучше уехать из города.

– Отлично!

Теперь ей предлагают бежать. Спасаться. При том, что она никому ничего плохого не сделала. Марина подняла глаза и наконец рассмотрела его лицо. Обычное. Более того, неприметное. Таких – миллионы.

Виктор достал визитку и протянул Марине.

– Если возникнут проблемы, вот мой номер.

– Я так понимаю, они – возникнут?

– Возьмите.

Марина взяла визитку.

– Что-нибудь еще?

– Да, – Виктор помялся. – В письме Наталья Александровна говорит, что спрятала страницу из дневника Павла Первого за их домом в Фетиньино. Где это?

Одного презрительного взгляда было явно недостаточно;

Марина прибегла к трюку из Митиного арсенала.

– Пф-ф-у! Имение Зубовых. Между Киржачом и Владимиром. Но боюсь, вас ожидает жестокое разочарование. Дом давно разрушен.

Виктор мягко улыбнулся.

– Мы будем искать.

И пошел к машине. Наглец! А ведь Марина не успела задать самый главный вопрос.

– Вы и правда верите, что сокровища где-то здесь? В Санкт-Петербурге?

Виктор оглянулся. Еще одна мягкая улыбка. Надо же! Неприметное лицо умеет улыбаться.

– Мы – знаем, – ответил Виктор. – Всего хорошего! Удачи вам!

Теперь уже Виктор сел за руль. «Человек без суставов», месье Жан, отсалютовал Марине шляпой, пошаркал ножкой, послал воздушный поцелуй, но на этом не успокоился. Еще и рукой помахал.

Потом машина уехала, и Марина осталась одна.

Оглянулась – никого. Словно и не было. Пустырь. Пустота. Хотя – не совсем пустота. Оставалась тайна отца, и Марина очень хотела знать, почему за эти двадцать лет он так с ней и не поделился?

– Отец! – мысленно спросила Марина. – Если ты меня еще слышишь... Если ты еще здесь... Скажи! Неужели все это правда?

Отец появился. Он ее не бросил. Он не возник в виде качающегося марева перед глазами; наверное, стоял где-то рядом с правым плечом; Марина это чувствовала, но боялась повернуть голову, чтобы желанное наваждение не растаяло. Главное – она отчетливо слышала его голос.

– Приходилось скрывать, – сказал отец. – Злишься?

Марина понимала, что отца уже нет. И все же – он был рядом. Ну, и как спорить с призраком? Тем более, что и с живым-то не спорила. Злишься? Нет.

– Восхищаюсь, – произнесла Марина. – Еще больше. Ты – великий человек, я всегда об этом знала. Я хотела бы повторить твою судьбу.

Отец усмехнулся. Марине очень хотелось еще раз увидеть, как он это делает: беззлобно, совсем не обидно, любя. Но она боялась повернуться.

Отец усмехнулся.

– А, по-моему, ты выпрашиваешь подсказку.

Ну, даже если так. Почему бы и нет? Почему, если я уже встала на твой путь; почему я не могу пройти на пару шагов дальше? Сделать то, что ты – не успел?

Мысли. Только мысли. Но Марина знала, что отец их слышит. Смешалась и тут же мысленно спросила.

– О чем ты? Сокровища – это миф! – она уже знала, что не миф. Виктор подтвердил. Да и вся жизнь отца подтверждала. Но надо же было «вытащить» его на себя, заставить раскрыться.

Марина услышала смех отца: раскатистый, бархатистый.

– Суворочка! – сказал он. – Малый левый зал.

– Малый левый зал? – переспросила Марина.

– Ты слышала, – ответил отец. И замолчал.

– Отец? Отец! – Марина оглянулась.

Никого не было. Пустырь, пустота и мироздание, которое отчаянно хотело стать на место. «Малый левый зал», – вот рычаг, к которому следовало приложить усилие, чтобы перевернуть его обратно.

Марина задумалась.

Малый левый зал...

Звонок мобильного вернул ее к действительности. Марина достала телефон из кармана.

На том конце электронных волн был Митя.

– Марина! Что с тобой? Ты где?

Марина улыбнулась. Этот звонок явился толчком; подсознание проделало свою работу; а звонок вытолкнул ее результат обратно в сознание. Теперь Марина знала, что означают слова отца. Что означает «Малый левый зал». От этой радости хотелось расцеловать первого встречного; подвернулся Митя; его целовать приятно, по крайней мере, по телефону; все-таки – брат.

– Здравствуй, братец мой! – ответила Марина. – Новообретенный! А ты где?

Митя огляделся: известных ему ориентиров было не так много. О чем он честно сообщил.

– Не знаю. Тут – здание. Красное. Университет. Еще – набережная. Наверное, это Нева, хотя я уже ни в чем не уверен. Короче, не знаю, где я. А где ты?

– Ты фотографировал письмо на смартфон. Ты стер снимок?

– Конечно, нет. Не хотел обижать Суворочку.

– Тогда слушай меня внимательно, – сказала Марина, и по ее голосу Митя понял, что она – жива, здорова и пребывает в неплохом настроении. – Возьми такси и поезжай по адресу: улица Кировная, дом сорок три. Ты понял? У тебя есть деньги?

Митя попытался вспомнить размер бултыхавшейся в карманах наличности.

– Деньги есть. Осталось убедить таксиста, что их хватит. А что там, на Кировной, сорок три?

– Увидишь! – ответила Марина и повесила трубку.

Митя убрал телефон в карман и поднял руку. Почти сразу перед ним остановилась машина. Митя честно сообщил водителю о невеликом размере оборотных капиталов и, получив утвердительный кивок, сел на переднее сиденье.

Он не обратил внимания, как следом от гранитного по-

ребрика отвалил серебристый «Мерседес» с людьми Виноградова и «сел на хвост».

– Поезжай за ним! – сказал Ковалев водителю. – Не теряй из виду.

Сильвер сидел за столом. Водка и запотевший графинчик были те же самые. Но сегодня он закусывал жульенчиком из белых грибов. Горячая формочка, ручка, обмотанная бумажной салфеткой, коричневая сырная корочка над грибами.

– А когда включили свет, этого кренделя уже не было, – пожаловался громила.

И получил в ответ поднятую бровь и колючий взгляд. От этого взгляда хотелось убежать; на худой конец, залезть под стол.

– Мы – туда, сюда, а по ходу – никуда. Быстро бегают, зараза, – попытался придти на помощь товарищу второй громила.

Сильвер выпил и постучал миниатюрной ложечкой по сырной крышке, наслаждаясь звуком. Потом – взломал ее и закусил.

– По порядку. Документ пропал. И девушка – тоже?

– Я о чем и говорю, – закивал первый громила. – А при чем здесь она?

– Профессора, которого убили, – Сильвер говорил медленно; не рассчитывал на быстрое восприятие, – звали Сергей Николаевич Поляков. Эта девушка – его дочь.

– Так она – его дочь? – возопил первый громила и потер

стриженую голову.

– Не тупи! – заявил второй, постаравшись придать бесформенному лицу умный вид. – Ну, не сын же!

Сильвер посмотрел на обоих; вместо того, чтобы взорваться, поскрипел протезом: культя чесалась.

– Этот месье Жан, – медленно сказал Сильвер. – Искал документ. А документ ведет к сокровищам. Он – все знает.

Сильвер посмотрел еще раз и убедился: нет, они ничего не понимают. Нужны конкретные указания. Сильвер поднял руку.

– Возьмите записи с камер наблюдения. Переверните город. Найдите его!

Вот это было вполне конкретно. Громилы закивали, потом встали и устремились в подсобку, просматривать записи ресторанных камер.

Сильвер ел жульен. Кажется, повар хотел сэкономить: смешал белые с шампиньонами. А отчетность показывает, что платили за белые. Двести рублей разницы. Непорядок. Но главное – его начали обманывать. Нужно поскорее наказать. Причем – жестко! Хотя... Время терпит. Есть вещи поважнее шампиньонов.

Сильвер взял мобильный.

– Мне нужен учебник по истории, – сказал он. Разозлился и сорвал салфетку, заткнутую за воротник. – Значит, не один учебник, а все, что есть. И еще – пару толковых ребят, которые не прогуливали школу. И мне это нужно прямо сейчас!

Сильвер положил мобильный и с вождением посмотрел на запотевший графинчик. Люди глупы. Бесповоротно глупы. Интереснее всего разговаривать с самим собой. Чуть подвыпившим, полупьяным, пьяным и сильно пьяным. Но с сильно пьяным Сильвером опасался разговаривать даже сам Сильвер.

Марина стояла на углу Кировной и Таврической. Любовалась. Несколько шагов в сторону, и перед ней открылось во всем своем великолепии масштабное мозаичное панно «Суворов, пересекающий Альпы».

Все-таки Питер – волшебный город! Как прекрасно жить среди этой красоты! Конечно, разум всегда просил скидку на климат, но душа не давала, – ты только посмотри вокруг! Какая красота!

Послышалось деликатное скрипение тормозов. Марина оглянулась. Из машины такси выбрался Митя.

– Где мы? – спросил он.

– Музей Суворова, – ответила Марина. – Основан в одна тысяча девятисотом году. Кстати, ты знаешь, что Суворов был первым человеком в России, в честь которого персонально возвели музей?

Митя оглядел мощное здание со сторожевой башней и узкими бойницами.

– Это ты так тонко издеваешься? Конечно, не знаю. Один-ноль в твою пользу.

Марина смягчилась; не стоило подчеркивать очевидное неведение брата; москвичу простительно.

– Как твой глаз? – спросила она.

Митя вернул издевку.

– Какой именно тебя интересует? – он помахал указательным пальцем перед лицом; от здорового глаза к подбитому.

Марина рассмеялась.

– Один-один! Нам нужен малый левый зал.

– Зачем нам вообще музей Суворова? Что ты надеешься здесь найти? Суворов умер раньше, чем Павел Первый.

– Откуда такие познания? – удивилась Марина.

– Видел по телевизору.

– Малый левый зал целиком посвящен Суворочке, – объяснила Марина. – Вперед!

Марина и Митя направились ко входу в музей.

Они не замечали серебристого «Мерседеса», стоявшего неподалеку.

Внутри музея Суворова, величественного серого здания со светло-коричневой крышей, оказалось множество узких коридоров, заканчивающихся небольшими комнатами.

Марина постучалась в одну из них.

Дверь открыл маленький сухонький старичок с неестественно раздутой талией.

– Добрый день, Пал Палыч!

– Здравствуйте, Мариночка! Сочувствую вашему горю. Извините, не смог придти на похороны Сергея Николаевича, – старичок согнулся и положил руку на поясницу. – Спину прихватило. Вот. В аптеке листовка лежала. Мол, пояс из собачьей шерсти.

– Помогает? – участливо спросила Марина.

– Врут, – отвечал согбенный старичок. – Вы же знаете, как это у нас принято. Если болит маленько – идем к врачам. А коли неважко – бежим к бабке-знахарке. Рассудок пасует перед предрассудками.

– Пал Палыч, – с укоризной сказала Марина.

– Не судите строго, Мариночка! До бабки не добежал. А вот листовочку в аптеке зацепил и даже на пояс потратился. Даром, что из собаки, а не помогает, пес!

– Пал Палыч! – объявила Марина. – Нужна ваша помощь.

– Голубушка! – спохватился старичок. – Всегда к вашим

услугам. Я ведь – только на спину инвалид. Соображать еще могу. Или вы – невзначай мебель решили перевозить?

– Нет, Пал Палыч, – успокоила Марина. – Мне нужны ваш острый глаз и феноменальная память.

– Ну, коли вы меня таким превосходным образом ангажируете, – расцвел старичок, – постараюсь соответствовать. Располагайте, как хотите! И глазом, и памятью. Лишь бы не подвели.

– У меня есть письмо Суворочки, – сказала Марина.

– Так, так, – старичок закивал. – Подлинность интересует? Где ж оно? Давайте!

– Письмо – в цифровом виде, – Марина показала на Митю. Митя вышел вперед. Старичок смутился.

– Не силен, Мариночка. А вас как, голубчик, величать?

– Митя.

– Митя. Вот оно что. У меня там, в углу, печатная машина...

– Принтер, – перебил Митя.

– Именно! – подтвердил старичок. – Если совладеете...

– Не сомневайтесь! – заявил Митя.

– Дерзайте, юноша! – Пал Палыч подвел Митю к принтеру.

Митя осмотрел провода, достал смартфон. Склонился, настраивая соединение. Старичок, с затаенной опаской, следил за каждым его движением.

– Пал Палыч! – отвлекла внимание Марина. – Отец часто

ходил к вам.

Старичок ненадолго оставил Митю; повернулся к Марине.

– А как же? Навещал. И всегда – с бутылочкой, – звучало, как упрек. – Видите, какой у нас холод?

– Что он смотрел?

– Все, – ответил Пал Палыч. – Все, что не вошло в основную экспозицию. Амбарная книга. Метрики детей. Да! – погладил ноющую поясницу. – Рисунки.

– Суворочка любила рисовать? – ухватилась Марина.

– Ну, как любила? Как многие в то время. Помните, на полях у Пушкина? Перо и чернила. Любила, конечно. Но не умела. Поэтому многие ее рисунки здесь, в запасниках.

– Что там?

– Если честно, – ерунда. Пасторальная тематика. Поля, луга, пригорки, лесок. Домик их, в Фетиньино. Да, точно. Есть такой.

Марина насторожилась.

– Домик? Можно, я взгляну?

– На четвертой полочке, зеленая коробка. Не ошибетесь. Этот рисунок – в рамочке, – старичок отвернулся от Марины и вновь сосредоточился на Мите.

Принтер загудел, поднатужился и выдал целый лист формата А4. Пал Палыч схватил теплую бумагу, водрузил на носочки.

– Да! Да-да-да! – выпалил он. – Суворочка! Вот этот ха-

ракторный наклон в букве «Н» и завиток в прописных...

Марина не слушала. Она и так это знала. Подлинность письма не вызывала сомнений.

Марина отошла, открыла зеленую коробку, достала рисунок в рамке. На рисунке, весьма незатейливо, был изображен барский дом.

«За нашим домом в Фетиньино», – так было в письме.

Марина взяла и сделала то, что никому за эти два столетия не приходило в голову: поддела ногтем картонную рамочку и разорвала.

– Мариночка! – вещал Пал Палыч. – Это, вне всяких сомнений, ее рука. Смотрите-ка! Она пишет о странице из дневника Павла Первого...

Марина едва слышала его слова; внутри рамки, за рисунком, лежал сложенный вчетверо листок. Марина вытащила его и спрятала в карман.

Старик смаковал каждый кусочек текста.

– О супруге-то она о своем как... Любила стервеца. Ну, а как не любить? Такой богатырь!

С куриными мозгами, – про себя добавила Марина, а вслух произнесла.

– Спасибо, Пал Палыч! Выздоровливайте! – и, не давая старичку опомниться, ухватила за руку Митю и поспешила к выходу.

Марина и Митя снова вышли на Кирочную. В ста метрах от музея стоял серебристый «Мерседес», но брат и сестра не обращали на него внимания.

– Ты знал, что отец вел двойную жизнь? – спросила Марина.

– По-моему, это очевидно. Он ведь не рассказывал тебе, что у него есть такой замечательный сын, который в два счета подключил смартфон к дореволюционному принтеру.

– Ты знал, что он был рыцарем Мальтийского ордена?

Митя пристально посмотрел на Марину.

– Слушай, а где ты была после того, как погас свет? Что с тобой делали? По голове не били?

– Значит, тоже не знал.

Марина достала визитку, набрала номер.

– Я не успела спросить, как вас зовут, – сказала она вместо приветствия.

– Виктор.

– Виктор, – повторила Марина. – Вы далеко уехали?

– Что-то случилось?

– Я нашла страницу из дневника Павла Первого, – Марину переполняла законная гордость. – Это – не просто страница. Она датирована двенадцатым марта одна тысяча восемьсот первого года. Понимаете, что это значит? Это – последняя

запись. Император сделал ее за несколько минут до смерти.
Возвращайтесь!

Марина нажала «отбой», не дожидаясь ответа. Интересно, какое сейчас лицо у этого Виктора?

Глава вторая

1

Да, вот так и следовало поступить. Утереть ему нос. Заявить «я нашла страницу», но при этом – несколько небрежным тоном; мол, вы старались двести лет, а мне хватило и двух часов.

Марина торжествовала победу. Правда, недолго. Она вдруг сообразила, что слишком рано бросила трубку; сказала «возвращайтесь», а куда – упомянуть забыла. Выглядело забавно. И что теперь делать? Перезвонить? Просто смешно. Но, если не перезвонить, как Виктор узнает, куда...

Мобильный разразился мелодичной трелью.

– Где вы находитесь? – спросил Виктор.

– Кирочная, сорок три, – с наигранным раздражением, будто бы речь шла о чем-то, само собой разумеющемся, ответила Марина. – Мы – перед музеем Суворова.

– Кто это «мы»? – насторожился Виктор.

– Я и мой брат. Митя.

– Хорошо. Оставайтесь на месте.

На этот раз трубку повесил он. А Марина должна была ждать, пока он приедет; безусловно, это смазывало радость открытия, но, в конце-то концов: в заднем кармане джинсов

лежал пожелтевший листок бумаги, и на нем, пусть и поблекшими от времени чернилами, зато – твердой рукой самого императора было написано...

– Что там написано? – спросил Митя.

– Одна короткая фраза, – Марина упивалась эксклюзивной причастностью к тайне.

– Какая?

– Боюсь, ты не сможешь ее оценить, не зная подробностей последнего дня жизни Павла Первого.

– Ну, так расскажи.

– Тебе интересно?

– Еще бы!

2

Ковалев ослабил галстук, взглянул на часы.

– Он вышли из музея четыре минуты назад и теперь стоят.

Просто разговаривают. Нет, ближе к проезжей части.

Громкая связь была включена, Виноградов все слышал.

Скворцов повернулся к нему, ожидая приказа.

– Надо их брать, – распорядился Виноградов.

– Борис Михайлович! – запротестовал Скворцов. – Сейчас – без четверти три. Место людное. Музей наверняка оборудован камерами наблюдения, к тому же – там охрана. Это неразумно.

– Я боюсь, – прошептал Виноградов. – Мы их потеряем.

– Теперь уже нет, – успокоил Скворцов. – Надо еще немного потерпеть. Не то – поломаем всю игру.

Виноградов нахмурился, и Скворцов поспешил объяснить.

– Они разговаривают, стоя у дороги. Значит, кого-то ждут.

Возможно, мы получим новый след. Более значительный.

Виноградов вяло кивнул. Скворцов взял мобильный.

– Продолжайте наблюдение! – велел он.

3

Валентин поддел крышку «Кэнона», вытащил флеш-карту и вставил ее в считывающее устройство. На экране монитора появились фотографии, сделанные Виктором в актовом зале.

– Два громилы. Подручные криминального авторитета Сильвера, – опознал Валентин знакомые лица. – Они были в ресторане «Корсар» и потом следили за месье Жаном.

– Этих помню.

Командор кивнул и перевел взгляд на фото молодого человека в сером костюме; перед ним, на парте, стоял открытый ноутбук.

– А он – задавал много вопросов, – сказал Валентин. – Думаю, и ноутбук неспроста. Наверняка вел трансляцию.

Командор нахмурился.

– Выяснили, кто это?

– Пока нет.

– Ну так выясняйте!

– А вот еще двое, – продолжал Валентин. На экране появились двое мужчин: один – большой, с блестящими черными волосами, второй – маленький, желтолицый. – Слушали очень внимательно. Явно интересовались предметом.

– В таком случае, – сказал командор, – вы должны заинтересоваться ими. Проверьте по нашим внутренним базам, ес-

ли не найдете, свяжитесь с центральным терминалом в Риме.

– Мне потребуется пароль для доступа к защищенной линии, – напомнил Валентин.

– Я никуда не уйду.

Слова командора прервал звуковой сигнал; в нижнем углу экрана замигала табличка с буквой «V».

– Виктор! – пояснил Валентин.

– Выведите на громкую связь, – приказал командор.

Из колонок послышался голос Виктора.

– Командор! Вы меня слышите?

– Да. В чем дело?

– Страница из дневника Павла Первого нашлась.

– Так быстро? – удивился командор. – Вы – уже... Как называется это место?

– Нет. В Фетиньино ехать не пришлось. Страница здесь, в Санкт-Петербурге.

– Она – у вас? – командор изо всех сил старался не подавать виду, но покатые плечи вдруг налились, и загривок вздыбился.

– Скоро будет у нас, – отвечал Виктор. – Но сначала я бы хотел, чтобы Валентин кое-что проверил. Валентин!

– Слушаю! – отозвался Валентин.

– Войди в городскую систему наблюдения. Мне нужны камеры слежения, установленные на Кирочной, сорок три. Музей Суворова.

Валентин пробежался по клавиатуре.

– Есть! Ого! – Валентин увеличил изображение. – Марина Полякова. И с ней...

– Высокий кудрявый парень с синяком под глазом. Это – Митя, ее брат.

– Откуда ты знаешь? – удивился Валентин.

– Некогда объяснить. Просканируй местность. Все чисто? Валентин ввел команду, управляющую транслокатором камеры. Повернул ее на пятнадцать градусов и снова увеличил изображение. Программа распознавания лиц выдала совпадение: тот самый молодой человек в сером костюме, что вел трансляцию из актового зала.

– Ты прав, – сказал Валентин. – На «три часа», приблизительно в ста метрах, в серебристом «Мерседесе»...

– Страница у них? – вмешался командор.

– Да, – ответил Виктор.

– Сколько вам ехать?

– Мы будем на месте через полчаса.

– Это – неоправданный риск, – голос командора дрогнул, пальцы сжались в кулаки.

Анна, в течение всего разговора тихо сидевшая в углу, резко встала.

– Я разберусь, – сказала она и, не дожидаясь одобрительного кивка командора, вышла из командного пункта.

Марина загадочно улыбнулась, даже не отдавая себе отчета в том, что снова копирует отца. Отец всегда начинал свои лекции именно так. Прозвенел звонок, студенты собрались в лекционном зале; шуршание ног, шорох раскрываемых тетрадей; посторонние звуки постепенно сходят на нет, а отец – стоит с откровенно скучающим видом и смотрит в одну точку. Но вот – наступает полная тишина. Абсолютная. И тогда – отец улыбается. И подмигивает. «Знаете, что я вам сегодня расскажу?».

Студенты никогда не знали. Но отец всегда превосходил их самые смелые ожидания. Его лекции зачастую шли вовсе без перерывов. У него был настоящий дар рассказчика.

– О последнем дне жизни императора написано очень много, – начала Марина издалека.

Митя перебил.

– Я еще не прошел апгрейд. У меня пока небольшой объем оперативной памяти.

– Что? – не поняла Марина.

– Рассказывай самую суть.

– Нет, ты не понял. В этом и заключается суть. Источников – много, но они порой противоречат друг другу.

– И зачем мне вникать в чужие противоречия?

Марина задумалась. Митя был прав. Историк по натуре –

дирижер. Историк из тысячи субъективных мнений составляет одну объективную реальность; так же, как дирижер из отдельных голосов музыкальных инструментов строит мощный звуковой фронт; настолько понятный и искренний, что у слушателя не возникает никаких вопросов. Но то – музыка. Она воздействует на сердце. История – взывает к разуму. И в большинстве случаев – тщетно.

Не потому ли люди не извлекают из истории никаких уроков, что не доверяют этому «хору»? Нужен один, зато надежный, рассказчик, – задумалась Марина. – Этаким усредненный Нестор-летописец, пользующийся безграничным авторитетом.

Голос Мити вернул ее к действительности.

– Очень интересно. Не волнуйся, я еще не уснул.

Это был сарказм. С чего же начать? Марина оглянулась на здание музея... Решение пришло неожиданно.

– Суворов! – сказала Марина.

– Опять Суворов?

– Он для тебя – надежный источник?

– Безусловно. Но, как мы уже выяснили, Суворов, по вполне уважительным причинам, не мог видеть, что делал Павел Первый в последний день своей жизни. Потому, что сам уже умер.

– «Безусловно»? Ты сказал – «безусловно». Суворову ты веришь. Но почему?

– Какой ему смысл врать? И вообще, он человек военный.

Марина мысленно усмехнулась. Эх, рассказать бы ему про великого полководца. То, что не проходят в школе. Но это – совсем другая тема.

– А Кутузов? – спросила Марина. – Ему веришь?

Пояснений не требовалось. В Российской истории было много Кутузовых, но все почему-то помнят только повязку на глазу.

– Тот самый Кутузов? – уточнил Митя. – Битва при Бородино?

– Тот самый.

– Ему верю. Он разбил Наполеона.

И снова – неточность.

Стоп! – одернула себя Марина. – Так мы никогда не дойдем до главного.

И начала.

– Одиннадцатого марта одна тысяча восемьсот первого года в столовой Михайловского замка давали ужин на девятнадцать кувертов.

– Кувертов? – переспросил Митя.

– Персон, – упростила Марина. – Во главе стола сидел государь. По левую руку от него сидела императрица, по правую – великий князь Александр. Затем – его супруга, великая княгиня Елизавета...

– Если это важно, давай, я буду записывать, все равно не запомню, – перебил Митя.

– Среди присутствующих был генерал от инфантерии...

«Инфантерия» – это пехота, – предвосхитила возможный вопрос Марина. – Михаил Илларионович Кутузов. Он вспоминал, что император был мрачен. Ужин продолжался два часа и закончился в десять вечера.

– Люди не торопились. И объедались после шести.

– Не объедались. Столовая Михайловского замка – это не «МакДональдс». И да, они никуда не торопились. Вели светские беседы. Но Павел – молчал. После ужина все, как обычно, вышли в смежное помещение, чтобы пожелать императору доброй ночи. Однако в тот вечер он, вместо ответного приветствия, ограничился словами. «Чему быть, того не миновать».

– Загадочно!

– Первый звонок. Потом он уединился с Кутузовым, и они беседовали еще час.

– О чем?

– О чем беседуют с генералом? О боеготовности армии. Но в ходе беседы Павел, не переставая слушать Кутузова, посмотрелся в зеркало. Оно было с изъяном. Император сказал: «Посмотрите, какое смешное зеркало! Я вижу себя в нем с шеей на сторону».

– И что?

– Его задушили, – глухо сказала Марина. – Шарфом. Свернули голову.

– Однако!

– Это – второй звонок.

– Неужели был и третий?

– Да. Прощаясь с Кутузовым, Павел Первый усмехнулся и сказал. «На тот свет итить – не котомки шить». А через полтора часа его убили заговорщики. В собственной спальне.

– Как в театре. Три звонка, и – занавес!

– Ты был в театре? – удивилась Марина.

– В театре кукол. Мама водила меня в детстве. Постой! Но, получается, Павел предчувствовал свою смерть?

Марина кивнула.

– Да. И у меня в кармане – доказательство. Страница из его дневника. Запись – от двенадцатого марта одна тысяча восемьсот первого года. Новый день наступает ровно в полночь. После полуночи Павел Первый прожил всего полчаса.

– Но успел сделать запись? От двенадцатого марта?

– Успел. Подвел итог.

– И что же там написано?

Марина задумалась. Эти слова нельзя было сказать просто так. Мимоходом. Надо было произнести их со значением. Марина собиралась ответить, но...

Зазвонил мобильный.

Марина взяла трубку и услышала голос Виктора.

– Марина! Постарайтесь не менять выражение лица. За вами следят. Вам надо немедленно уходить.

Хотела бы я увидеть человека, у которого не изменится выражение лица от таких новостей, – подумала Марина.

Виктор продолжал.

– Возвращайтесь в музей. У черного хода вас будет ждать машина. Садитесь и уезжайте!

Отбой. Пояснений не было.

– Так что написал император? – наседал Митя.

Но Марине было не до того.

5

– Они уходят, – доложил Ковалев.

Впрочем, пояснений и не требовалось. Скворцов и Виноградов видели все на большом экране.

Марина обняла брата за шею и, улыбаясь, что-то сказала на ухо. Что-то сказала. Но вряд ли – что-то смешное. Митя – не улыбался.

Потом – оба повернулись лицом к музею; Марина сделала какой-то неубедительный жест, а через секунду – оба пошли к зданию, ускоряя шаг.

– Наверное, они... – начал Скворцов.

– Почувствовали слезку! – прохрипел Виноградов. – Берите их! Немедленно!

Скворцов отдал распоряжение.

Из серебристого «Мерседеса» вышли трое мужчин в костюмах; все, кроме водителя. Мужчины, оглядываясь, поспешили к музею.

6

Сильвер сидел в ресторане. Перед ним, на столике, громоздились две стопки учебников. Сильвер прекрасно понимал, что прочитать их не удастся до самой смерти. По счастью, к учебникам прилагалась парочка умных ребят с высшим образованием; у Сильвера они занимались финансами и очень чутко реагировали на все, что с финансами было связано.

– Короче! – сказал Сильвер, и этого было достаточно.

Первый из «умных» отодвинул учебники на край стола.

– А можно – вообще убрать? – спросил второй «умный». – Мы, конечно, привезли их. Из уважения к вам. Но всю актуальную информацию получили из интернета.

Сильвер махнул рукой. Подбежавший официант без слов понял, что от него требуется; взял стопки книг и молча удалился.

– Короче! – повторил Сильвер.

– Если у рыцарей Мальтийского ордена было сокровище, – начал первый, – то оно – самое большое в мире.

Сильвер без труда усвоил информацию. «Сокровище»-«самое»-«большое».

– К тому же, – продолжил второй. – Оно было утрачено двести лет назад. Это хорошо.

– Почему? – спросил Сильвер.

– Драгоценности не включены ни в один из ныне существующих каталогов, – объяснил первый. – Их невозможно отследить. Никаких юридических нюансов не возникнет.

Сильвер зафиксировал: на золото никто не будет претендовать. Ситуация ему нравилась. Оставалось только найти сокровища. И тогда...

– Но есть проблема, – разрушил розовые мечты второй.

А вот это Сильверу не понравилось.

– Какая? – спросил он.

– Всего одна, – снова вступил первый. – Но очень серьезная.

– Видите ли, – незримую эстафету перехватил второй, – Мальтийский орден существует почти тысячу лет. И существует до сих пор.

– Ну так и что? – не понял Сильвер.

– В его рядах, – вмешался первый, – очень могущественные люди.

– Какие, например? – спросил Сильвер.

– Очень могущественные, – сказал второй. – Например, Альберт Гор...

– Не знаю такого.

– Михаил Горбачев, – снова второй.

– Да ну?

– В свое время – был Борис Ельцин. А также – многие современные политики. По всему миру, – теперь уже первый. – Мне продолжать?

– Я понял, – отрезал Сильвер.

– Мальтийский орден – это клуб «сильных мира сего», – второй многозначительно поднял бровь.

– Давайте я скажу то же самое, но простыми словами, – Сильвер положил руки на край стола. – Мальтийский орден – крутая банда.

Оба «умных» кивнули.

– А сокровища – жирный «общак».

«Умные» снова кивнули.

– Но они его потеряли! Так?

– Потеряли, – согласился первый.

– Но, наверняка, хотят найти, – встрял второй. – И вряд ли стоит с ними связываться...

– Это буду решать я! – руки Сильвера сжались в кулаки. – Пока свободны!

«Умные» удалились в дальний угол зала.

Сильвер поднял палец. Подбежал официант, согнулся в поклоне.

– Рульку! И пива! – огласил Сильвер.

Официант убежал.

«Рулька и пиво» означали, по меньшей мере, два часа напряженного раздумья.

Анна уверенно вела машину. При этом – почти не смотрела вперед; в основном – в зеркала, словно опасалась погони.

Поначалу Марина беспокоилась; она несколько раз пыталась заговорить с этой странной, седой и коротко стриженной женщиной, которую видела совсем недавно, на пустыре у побережья Финского залива. Анна отвечала односложно; «да» или «нет».

С тех пор, как Марина с Митей выбежали из музея Суворова через черный ход и сели в машину, Марина пыталась прислушаться к своим ощущениям.

Надо ли было верить Виктору? Грозит ли нам опасность?

Поразмыслив, Марина на оба вопроса ответила утвердительно. Но сейчас – настало время для главного вопроса.

– Куда вы нас везете?

– В безопасное место, – ответила Анна.

– Насколько безопасное?

– Зависит от вас.

– То есть?

– На заднем сиденье лежат повязки.

Марина огляделась. Так и есть. Два черных шелковых шарфа.

– Завяжите глаза, – сказала Анна.

– Это обязательно?

– Дополнительная гарантия безопасности, – был ответ.

Марина переглянулась с Митей. Митя пожал плечами и протянул руку. Марина взяла повязки. Одну – отдала Мите, второй – закрыла глаза. И – сделала узел. На затылке.

8

– Они ушли! – сообщил Ковалев.

Скворцов убрал мобильный.

– Они...

– Я и так вижу! – хрипло отозвался Виноградов.

Виноградов следил за происходящим на экране; он даже подался вперед, но теперь – без сил упал на подушки.

Касание материей воспаленной кожи вызвало взрыв боли; на глазах Виноградова выступили слезы.

– Боже! За что ты меня так наказываешь? – прошептал он.

Виноградов лежал, боясь пошевелиться; любое движение немедленно отозвалось бы новым взрывом.

Прошли долгие пять секунд. Не пять легкомысленных «тик-так»; пять тяжелых ударов; в дверь, которая вот-вот распахнется, а за ней – пустота. И пустота – поглотит его. Навсегда.

Виноградов собрал силы.

– Найти. Найти! Найти!!

Негромкое гудение. Мягкие потоки кондиционированного воздуха.

– Можете снять повязки, – послышался голос Анны.

Марина стянула шелковый шарф. Они с Митей стояли в центре большого помещения без окон. Всю дальнюю стену занимали огромные жидкокристаллические экраны. В углу – мощные серверы перемигивались россыпью лампочек.

– Вау! – тут же выразил свое одобрение Митя.

Человек, сидевший в инвалидном кресле перед клавиатурой, улыбнулся.

– Тебе нравится?

– Еще бы!

– Валентин, – человек в инвалидном кресле быстро подъехал к Марине и Мите. Пожал обоим руки.

Дверь открылась, из смежной комнаты вышли «испанский гранд» и незнакомый Марине кореец.

– Страница у вас? – спросил «гранд».

– Вы до сих пор не представились, – уклонилась от ответа Марина.

– Габриэль, – сказал «гранд». – Но лучше – командор. Страница у вас?

Марина достала из кармана джинсов страницу из дневника Павла Первого. Император, в отличие от рачительной Су-

ворочки, пользовался плотной веленовой бумагой; она почти не пострадала от времени.

Командор развернул сложенный листок, быстро пробежал глазами текст.

– Что это означает?

– Пока не знаю, но собираюсь выяснить. Может, нам объединить усилия? – Марина не рассчитывала на положительный ответ, но попытаться стоило.

В конце концов, отец посвятил поиску двадцать лет жизни. И ей очень хотелось продолжить его путь.

Командор молчал.

– А вы готовы? – раздался голос.

Марина резко обернулась и увидела Виктора; он, в сопровождении «чесучового» типа, только что вошел в помещение.

Тип, хитро прищурившись, подкрался к Марине, неуклюжим движением захватил ее руку, согнулся в пояснице и облобызал запястье.

– Месье Жан, – промурлыкал он, приподнимая канотье. – Вы – весьма аппетитная фемина.

После чего, противореча собственным словам, потерял к Марине всяческий интерес, сплюнул и отправился к кофе-машине.

– Вы – готовы работать с нами? – повторил Виктор.

– Я этого хочу, – ответила Марина.

– Прежде мы должны все обсудить, – командор развер-

нулся и пошел в смежную комнату, жестом приказывая следовать за ним.

Виктор, Анна, месье Жан и кореец удалились.

Марина и Митя остались с Валентином.

– У вас – строгая дисциплина? – Марина попыталась изобразить улыбку.

– Орден – военная организация, – кивнул Валентин. – Решение будет за командором.

Марина вдруг поняла, как сильно ей хочется принять участие в поиске; отец никогда не занимался ерундой; не гнался ни за славой, ни за деньгами; жил скромно, но всегда – с интересом, и каждую минуту – с удовольствием.

Пройти путь отца – что может быть лучше?

– Вы можете пока присесть. Там, – Валентин указал на столик в углу.

Марина и Митя сели за столик. Митя подался вперед и прошептал.

– Ты так и не сказала, что там было написано.

Марина – тоже понизила голос.

– Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало, – тихо сказала она.

Именно это было написано на последней странице дневника Павла Первого.

«Мальтийцы» собрались в мастерской Кима. Помещение было не слишком просторным; большую часть комнаты за-

нимали верстаки, миниатюрные станки, печь для обжига, стол с реактивами и стеллажи с инструментами.

– Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отсутствия настало, – прочитал командор и отдал страницу Виктору.

– Библейский текст, – Виктор передал листок Анне.

Анна мельком глянула на четкие ровные буквы и протянула страницу месье Жану. Тот, конечно, не упустил случая покрасоваться; немедленно сложил листок вчетверо и картинно порвал в клочки. Впрочем, ни на кого это впечатления не произвело. Обиженный вор достал из рукава целую и невредимую страницу и вручил Киму.

– Ким! Проверь бумагу и чернила, – сказал Виктор. – Возможно, там есть скрытая запись.

Ким отошел к столу с реактивами.

– Что мы будем делать с девушкой? – спросил Виктор.

Командор медлил с ответом.

– Я не вижу смысла привлекать ее к работе.

– Но она уже знает! – возразил Виктор.

– Знает – что? – командор повернулся к Виктору всем корпусом. – Про нас? Кто ей поверит? Анна!

– Глаза были завязаны. У обоих. Я ручаюсь, что дорогу сюда они не найдут.

– Вот и хорошо, – командор выглядел довольным.

– А мы – не найдем другого такого аналитика, – сказал Виктор. – На поиск страницы у нее ушло не больше часа.

Анна кивнула.

– Габриэль! Девочка, определенно, вся в отца. От нее будет толк.

– Командор! – обратился Виктор. – Не забывайте! За ней следят. Мы пока не знаем, кто. Но это – факт. Я считаю, лучше, если она будет на нашей стороне.

– А еще, у нее – красивые ножки, – задумчиво обронил месье Жан. – Хотя она дурно пахнет, – добавил он.

– Последний аргумент я бы не стала принимать во внимание, – вмешалась Анна. – Месье Жан! Вы прекратили пить таблетки, которые я вам прописала?

– Они – невкусные.

– Ну да. Они – не горькие, не кислые и не соленые. Они – вообще без вкуса!

– В этом и проблема.

– Мы отвлеклись, – мягко сказал Виктор. – Командор! Решение – за вами!

Командор повернулся к корейцу.

– Ким!

– Никаких следов тайнописи, – отозвался Ким. – Написано только то, что написано.

Габриэль да Сильва расправил плечи. В комнате стало тесно.

– Вот что мы решаем, – пророкотал величественный бас. – Я проверю ее в деле. А от мальчишки – нужно избавиться.

Марина и Митя сидели за столиком.

– Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало, – повторял Митя. – Вот умели же раньше говорить!

Марина кивнула.

– Эта фраза говорит только об одном. Автор знал, что через несколько минут его ждет мучительная смерть.

– Как он погиб?

– Заговорщики нашли Павла Первого в спальне. Их было много, около сорока. И все – пьяные. А он – один. Они стали требовать от императора, чтобы он отрекся от престола. А он отказался. Тогда Зубов...

– Тот самый, муж Суворочки? – перебил Митя.

– Тот самый подонок! – уточнила Марина. – Ударил императора золотой табакеркой в висок. Павел упал. Все навалились и стали его топтать. А потом – кто-то увидел белый шелковый шарф императора...

– Шарф?

– Да. Не тот, который носят на шее. В то время шарф был частью обмундирования для высших офицеров. Надевался на талию, под мундиром. Заговорщики накинули шарф на шею государю. Сделали петлю и тянули в разные стороны. Пока не задушили.

– Жестко! – покачал головой Митя.

– Жестоко! – отозвалась Марина.

Дверь мастерской открылась, и вышли мальтийцы.

Марина и Митя встали.

Командор подошел к Марине.

– Вы готовы оказать нам посильную помощь?

– Да! – уверенно кивнула Марина. – Но у меня есть одно условие.

– Условие? – поморщился командор.

– Вы найдете убийц моего отца!

– Принимается, – отчеканил командор. – Но у меня тоже есть одно условие. Где вы живете? – обратился командор к Мите.

– В Москве.

– Он, – палец командора нацелился на Митю, – немедленно уезжает домой.

Марина посмотрела на брата. Тот был явно опечален подобным известием.

– Нет! – с мольбой сказала Марина.

– Это – мое условие! – отрезал командор.

Митя подошел к Марине, потрепал по плечу.

– Ибо я уже становлюсь жертвою, – со вздохом сказал он. – И время моего отшествия настало.

Марина обняла брата. Поцеловала в щеку.

– Мы еще увидимся, – сказала она. – Прости! Так надо.

Митя не спорил.

Скворцов смотрел на Виноградова. И не понимал, спит он или нет.

Грудь Виноградова мерно вздымалась, и глаза были закрыты.

Правда, левое верхнее веко давно уже гноилось; оно расплзлось, словно трухлявая ткань; сквозь дырку были видны мутно-серая радужка и расширенный зрачок.

«Шестьдесят шестой» сильно похудел; мышцы на лице натянулись; губы уже не могли сомкнуться и закрыть пожелтевшие зубы.

Спит он или не спит? – подумал Скворцов.

Виноградов глубоко вздохнул и открыл глаза. Левое, дырявое, веко зацепилось за пересохшую роговицу. Виноградов несколько раз моргнул; прежде, чем глаза открылись полностью.

– Ищи ее, – прошелестел Виноградов. – Ищи. И найди.

– Да, Борис Михайлович. Уже ищем.

Скворцов старался, чтобы голос звучал уверенно. Но взгляд – и Скворцов сам не понимал, почему, – не мог оторваться от дырявого века.

Виктор вел машину. Марина сидела рядом, на пассажирском сиденье.

Наконец, Марина не выдержала.

– Куда мы едем?

– Вам нужно исчезнуть, – ответил Виктор.

– Исчезнуть?

– Совсем.

Память услужливо вытолкнула наверх обрывки шпионских фильмов. От этой мысли стало жарко. Марина опустила солнцезащитный козырек, открыла крышку на оборотной стороне и посмотрелась в зеркальце. Хорошее лицо. Она прожила с этим лицом почти тридцать лет, и оно ей нравилось.

– Надеюсь, вы не будете делать мне пластическую операцию?

Виктор на секунду опешил.

– Что?

– Ну, знаете... Как в кино...

Виктор рассмеялся. Его смех показался Марине приятным.

– Пластическую операцию? Как в кино? Ну, вы даете! Вы знаете, что такое – пластическая операция? Шрамы будут заживать, как минимум, месяц. Еще месяц будет восстанавли-

ваться чувствительность мимических мышц...

– Вижу, вы знакомы с темой! – перебила Марина.

– Я – да, – подтвердил Виктор. И снова – не смог сдержать улыбку. – А вам – лучше повременить.

– Так куда мы едем?

Марина огляделась. Местность была знакомой.

– Мы – возвращаемся.

Машина мягко подкатила к поребрику. Виктор вышел первым, обогнул капот и открыл дверцу. Марина кивнула, мысленно отмечая, что не стоит делать это с преувеличенной благодарностью; мол, обычное дело, я привыкла; и ступила на асфальт.

Кирочная, 43. Музей Суворова.

Виктор вручил Марине письмо Суворочки.

– Вот о чем вам нужно будет говорить перед телекамерами.

– Телекамерами?

– У нас – обширные связи.

У фронтона музея Марину встретил Пал Палыч. Старичок держался за большую поясницу и явно чувствовал себя не в своей тарелке; в паре метров от него на штативе стояла камера, а съемочная группа городского телеканала вела себя слишком развязно, чтобы Пал Палыч осмелился задавать им вопросы.

Старичок увидел Марину и криво засеменил навстречу.

– Мариночка! Что происходит? Мне позвонили из депар-

тамента культуры и сказали, что будет съемка! Но почему? Зачем? По какому поводу? Вы можете объяснить?

Марина коснулась руки старика.

– Пал Палыч! Не волнуйтесь! Вам нужно только улыбаться!

Сюжет отсняли с третьего раза. Пал Палыч стоял позади, в левом обрезе кадра, и улыбался; некстати, зато постоянно. В это время назойливая тележурналистка, поглядывая в заготовленный текст, терзала Марину.

– Марина Сергеевна! Связано ли ваше сегодняшнее выступление в актовом зале университета с мифическими сокровищами Мальтийского ордена?

– Именно, что мифическими, – ответила Марина. – Хотя... Каждый желающий может попробовать их найти.

– Ваше выступление прервалось на середине, – упорствовала журналистка. – Почему?

– Испугалась! – открыто улыбаясь в камеру, объяснила Марина. – Мне показалось, что за мной следят.

– Да неужели? – охнула журналистка.

– Нервный срыв, – призналась Марина. – Но я готова еще раз обнародовать тот самый документ. Вот он!

В камере, крупно, появилось письмо Суворочки. Потом – возник Пал Палыч; Марина передала ему документ; Пал Палыч пожал Марине руку.

– О чем же там говорится? – не унималась журналистка.

Марина пояснила.

– Суворочка пишет о странице из дневника Павла Первого. Она спрятала ее за домом в Фетиньино. И любой может в этом убедиться. Потому что...

Камера захватила страдающее лицо Пал Палыча.

– Документ с завтрашнего дня будет представлен в основной экспозиции, – с натужной улыбкой проскрипел Пал Палыч. – Приходите и прочитайте.

Камера опять перешла на Марину.

– Значит ли это... – пыталась за кадром журналистка, – что в ближайшее время вы отправитесь в Фетиньино? На поиски сокровищ?

– Я – историк, – честно призналась Марина. – Поэтому – не исключаю такой возможности.

Сюжет был передан в прямой эфир, что называется, «с колес»; огромная редкость по нашим временам. В течение оставшегося дня сюжет повторили четыре раза.

12

В то же самое время Митя с тоской глядел из окна машины на проплывающие мимо здания. И украдкой – вздыхал.

Месье Жан, напротив, был бодр и весьма весел. Он никак не мог устроиться за рулем; то наваливался на него, то, наоборот, отодвигался; пристраивался слева и справа; сжимал «баранку» или вовсе ее отпускал; но при этом – не переставал напевать песенку непонятного происхождения. Было в ней что-то цыганское; было в ней что-то еврейское; и от бурятского горлового пения тоже что-то было.

И это – никак не вязалось с величием фасадов, проплывавших за окном. Поэтому – Митя вздыхал. В Москву ему – совсем не хотелось.

Однако, нежелание расставаться с Городом вскоре отошло на второй план; на первый – вышла тревога.

Марина села в машину.

– Я все сказала правильно?

Виктор кивнул.

– Да. Теперь вас будут искать где угодно, но только не в Санкт-Петербурге. Все будут думать, что вы уехали в Фетиньино.

Марина незаметно, будто бы смотрела по сторонам, обнюхала подмышки и явственно ощутила запах пота.

Это – нормально. Слишком много переживаний за один день.

– Отвезите меня домой! – потребовала Марина.

– Зачем?

– Я хочу переодеться!

– Нельзя. Вам нельзя домой.

Виктор словно не чувствовал запах ее пота.

Или – чувствует? Но не хочет признаваться?

Странно, но Марине вдруг стало не все равно, что думает о ней...

Этот бесцветный Виктор!

– Отвезите меня домой!

– Там может быть засада.

– Засада?

– Все очень серьезно, – тихо сказал Виктор.

Машина отъехала от поребрика.

Серьезно... Серьезно? Да, черт возьми! Все – очень серьезно! Не будь душой! Эти люди убили твоего отца! Забудь про пот...

– Стойте! – закричала Марина, и Виктор резко затормозил. – Все очень серьезно?

– Марина! Вы даже не подозреваете, насколько.

– Тогда – тем более! Мы должны заехать ко мне домой!

– Обоснуйте!

– Дома остался конверт! – Марина не знала, как жестом пояснить слово «конверт», поэтому просто потрясла руками перед лицом Виктора. – В этом конверте отец отправил письмо Суворочки. Адрес отправителя – мой. Адрес получателя – Мити. Если в квартире – засада? Они найдут конверт! А там – адрес Мити!

– Я понял, не продолжайте.

– Митя – мой брат! И мне не все равно...

Виктор нажал на «газ». Марину вдавило в спинку сиденья.

Машина сорвалась с места и помчалась вперед.

Виктор достал мобильный, набрал номер.

Прозвучал звонок. Еще более причудливый, чем песенка. Месье Жан бросил руль и полез в карман.

Дряхлый, но вполне еще жизнеспособный «Ниссан» подрезал траекторию. Месье Жан выругался на незнакомом Мите языке. Не то, что незнакомом, – вообще непонятном. И заложил руль влево.

Мобильный – вырвался из рук вора; летал по салону и никак не хотел угнездиться в его ловких пальцах.

Наверное, месье Жан матерился; но на таком красивом и округлом наречии, что это выглядело, словно порочное признание двухсотлетнего старика в запоздалой любви к рано созревшей девочке.

Митя дернул «стоп-кран». На самом деле, дернул «ручник». Машина резко остановилась. Вор поймал мобильный и поднес его к уху.

– Месье Жан слушает.

Дольше ждать было нельзя. Митя распахнул дверь и бросился наутек.

Митя не знал, куда бежать. Верный смартфон не мог придти на помощь; Митя толкался сорок пятым размером ботинок от асфальта, забрасывал длинные ноги и пролетал в прыжке не менее полутора метров; тут уж не до маршрута.

Через пять минут, когда рюкзак натер спину не хуже, чем седло – необъезженному скакуну, Митя остановился и перевел дыхание.

Тихий двор. Гаражи и помойка. Никого. Кроме...

Проклятого месье Жана. Вор стоял, оперевшись левой рукой о стену; в правой – держал канотье и томно им обмахивался.

– Дурачок! – сказал месье Жан. – Тебе не стоит убегать...

Дальше Митя не слушал. Он просто сравнил длину ног вора и свою. Перевес был очевиден. Митя развернулся и побежал в другую сторону.

А когда, наконец-то, мысленно торжествуя победу, остановился, то первым, кого он увидел, был... Месье Жан.

Теперь вор не опирался о стену; правая рука по-прежнему сжимала канотье; через левую был переброшен пиджак, чересчур зауженный в талии.

Месье Жан с сожалением посмотрел на Митю.

– Дурачок! Ты – никогда от меня не убежишь.

Митю чрезвычайно заинтересовало это заявление; почему?

– Почему? – спросил он.

– Видишь ли, дружок! – витиевато отвечал вор. – Моя профессия, в первую очередь, предполагает умение... Нет, да что там «умение»? Искусство! Убегать. В этом – мне нет равных среди живущих. Иначе – я давно бы уже не был. Среди живущих. Я заранее знаю, куда ты побежишь. Мы можем

развлекаться целые сутки...

– Проверим! – с угрозой сказал Митя.

– Но не стоит этого делать! Мне приказали вернуть тебя обратно.

– Правда?

– Правда?! Я забыл, что значит это слово. Я – вор!

– Почему я должен тебе верить?

– Не должен. Реши для себя: ты возвращаешься или – остаешься здесь?

– А вдруг ты меня обманываешь?

– Мне наплевать, – ответил месье Жан. – Доедешь ты до Москвы или нет. Главное, без меня ты никогда не вернешься к нам. А ты ведь – хочешь?

– Я не могу бросить сестру, – сказал Митя. – Мы с ней знакомы всего полторы сутки... Полутора суток... В общем, не так уж много, но... Пстой! Куда ты?

Вор успел напялить узкий пиджак и теперь шел прочь от Мити.

Митя прибавил шаг. Месье Жан, вильнув бедрами, перешел на бег.

Митя и не думал сдаваться. Сорок пятый размер снова ожесточенно толкал асфальт. Вор скрылся за углом...

Митя перешел на галоп. Повернул, и... Наткнулся на острый палец вора. С виду он был тонкий, тем не менее, грозился проткнуть насквозь. Митя остановился.

– Почему ты такой глупый? – с досадой спросил месье

Жан. – Ну, допустим, я посадил бы тебя на поезд до Москвы. Хочешь убежать – пожалуйста! Выходи на ближайшей станции. Катись назад!

– У меня нет денег! – Митя даже похлопал по карманам.

– Бегай от контролеров! Электрички! Товарняки! Попутные машины! Почему ты такой глупый?!

Митя не знал, что ответить. Но – нужно было «сохранить лицо».

– Я не глупый. Я – честный, – задрал подбородок, ответил он.

– Настолько честный, что невероятно глупый! – припечатал вор. – А теперь – иди за мной. Хочешь бежать? Беги!

Месье Жан пошел вперед, не оглядываясь. Митя шел следом. Приходилось умерять шаг, чтобы не обогнать заносчивого коротышку; но Митя проникся к вору уважением.

Поэтому умерял шаг.

Марина уже успела познакомиться с молчаливым корейцем. Его звали Ким. Собственно, больше он не сказал ни слова; только представился.

Валентин полностью сосредоточился на мониторах. Виктор оглядывал помещение; Марина хотела с ним заговорить, но Виктор отвернулся.

Анна устроилась за столиком и оттуда посылала Марине одобрительные взгляды. Впрочем, Анну Марина не боялась.

Командор – вот кто внушал ей страх. Габриэль да Сильва делил время мерным перестуком тяжелых шагов; делал секундную паузу, разворачивался, и все повторялось сначала.

Марина обрадовалась, когда в колонках что-то запищало, потом раздалось тихое гудение электроприводов, и вошел Митя. Как положено, с черной повязкой на глазах. Следом за ним – ввинтился вор.

– Хотел от меня убежать! – с обидой в голосе возвестил месье Жан. – Вы представляете?

Митя снял повязку, подошел к Марине. Марина подмигнула брату.

Виктор положил руку на плечо вору.

– Есть работа! По твоей части. Марина! Мне нужны ключи от вашей квартиры.

Марина протянула Виктору связку.

Вор не стал задавать лишних вопросов. Виктор и месье Жан быстро вышли.

Марина хотела заговорить с Митей, но командор вдруг развернулся и направился прямо к ней. В руке – была страница из дневника императора.

– Что это значит? – спросил командор.

Марина смешалась. Она даже не представляла, какой смысл имела фраза Павла Первого.

– Мне нужно подумать.

– Вот как?

– Сегодня тяжелый день. Дайте мне отдохнуть...

– Марина Сергеевна! – прогремел командор. – Вы плохо понимаете, что происходит. Счет идет на часы. Возможно, даже на минуты. Я не дам вам отдохнуть.

Марина вжала голову в плечи.

В то же самое время, за шесть километров от командного пункта мальтийцев, двое громил Сильвера беседовали с двумя молодыми людьми, не отличавшимися столь же внушительным телосложением.

Громилы мыслили неспешно, зато основательно. Объединив интеллектуальные усилия, они смогли построить логическую цепочку. «Месье Жан ищет сокровища – «сокровище» – то же самое, что и «клад» – клад обычно прячут – а точнее, закапывают – значит, прежде всего надо пройти по клубам диггеров».

В четвертом по счету им повезло.

– Вы его знаете? – грозно спрашивал первый громила и совал распечатанный лист; на нем было хоть и несколько расплывчатое, но вполне узнаваемое изображение лица месье Жана.

Второй громила еще более грозно вращал глазами и шумно выдыхал.

– Не то, чтобы знаем... – замялся молодой человек в разноцветной вязаной шапочке. – Видели. Несколько раз.

– Где? – наседал громила.

– Тусовался с нами прошлым летом. Мы как раз копали в Гатчине.

– Что копали? Зачем?

– Искали подземный ход. Из Гатчинского дворца в Приоратский.

– На хрена?

– Видите ли, – вступил второй молодой человек, с серьгой в ухе. – Приоратский дворец стоит на берегу Черного озера. По легенде, под озером проходит подземный ход. В Гатчинский дворец. И там, под озером, Павел Первый спрятал свои сокровища. Ну, то есть, не свои. Мальтийского ордена.

Громилы напряглись.

– И как его найти? – спросил первый громила.

– Приоратский дворец?

– На кой он мне сдался? Этого чудика!

Молодые люди переглянулись, пожали плечами.

– Думайте!

– Понятия не имею, – сказал «вязаная шапочка». – Я ему потом звонил на мобильный, но без толку. Номер не обслуживается. А вам он зачем?

– Нам? – второй громила сжал правую руку в кулак и стукнул по левой.

Диггеры обеспокоенно переглянулись.

– Ну, в смысле... Мы ему немного денюжков должны, – попытался разрядить обстановку первый громила. – Хотим отдать.

Диггеров это объяснение устроило; или они сделали вид, что устроило.

– Он, – чуть помедлив, сказал тот, что с серьгой в ухе, –

крутил роман с Лизой. Может быть... Она знает.

Громилы напряглись, старательно изображая миролюбивые улыбки.

– А как бы нам найти эту Лизу?

Виктор повернул с набережной Мойки на Марсово поле и сбавил скорость. Прежде, чем послать месье Жана в квартиру Марины, надо было убедиться, что за домом никто не следит.

Вроде бы он все сделал правильно: придумал красивую легенду, приложил все усилия, чтобы ее озвучили по телевизору, но...

Напротив дома стоял серебристый «Мерседес». Виктору даже не потребовалось связываться с Валентином, чтобы проверить номера машины; интуитивно он знал: это – тот же самый «Мерседес», что стоял у музея Суворова.

Вор сидел рядом с Виктором и чистил апельсин. Обычное занятие имело парадоксальное продолжение; корки месье Жан отправлял в рот и подолгу жевал, жмурясь от удовольствия. Казалось, больше ничего в этом мире его не интересовало.

Виктор поравнялся с «Мерседесом»; периферийным зрением заметил, что в салоне – двое мужчин в костюмах. Проехал еще пару метров; отражения мужчин появились в зеркалах.

За рулем, без сомнения, сидел тот самый молодой человек, который с помощью ноутбука вел трансляцию из актового зала университета. Второго Виктор видел впервые.

– ШоффЭр знакомый, – проворковал вор. – Но второй – как минимум, в два раза круче.

– Я думал, ты не смотришь.

– Я и не смотрю. Они сами бросаются в глаза.

– С чего ты решил, что второй круче?

– Сравнил, сколько стоят их костюмы. Кстати, тебе тоже не помешало бы хоть изредка заглядывать в приличные магазины.

Виктор покосился на вора; месье Жан был радикальным модником и, по мнению Виктора, чересчур привлекал к себе внимание; но никакие замечания на него не действовали.

Однако – сейчас Виктора волновало другое. Надо ли посылать вора в квартиру? С одной стороны, даже если конверт найдут, Мите уже ничто не угрожает. Но с другой... Валентин не смог установить личность человека с ноутбуком, а врага надо знать. Обязательно. Определенный риск есть, но все же...

Машина медленно катилась к перекрестку с Миллионной улицей.

– Действуем по плану, – сказал Виктор. – Войдешь в квартиру. Возьмешь конверт. Они наверняка попробуют вступить в контакт. Если что – я рядом. Но лучше – без конфликтов. Постарайся выяснить, кто они такие.

Месье Жан протянул Виктору очищенный апельсин.

– Ты будешь есть эту гадость? А то придется выкинуть.

Виктор кивнул и посмотрел в зеркало: они отъехали от

«Мерседеса» уже довольно далеко. Виктор остановил машину, и вор вышел.

На переднем сиденье остался апельсин.

Через полторы минуты рация ожила; человек из группы наблюдения доложил, что в квартиру Марины вошел какой-то странный тип. Правда, дверь он открыл ключами, не отмычками. Человек спросил Скворцова, что им делать. Скворцов приказал дожидаться его.

Он машинально ощупал кобуру скрытого ношения; открыл дверь «Мерседеса» и вышел, придерживая левую полу пиджака; не хотел, чтобы случайные прохожие заметили оружие.

Скворцов застегнулся и размеренным шагом направился к дому. Ковалев остался за рулем машины.

Вопрос командора обескуражил Марину; настолько, что она переспросила.

– Что?

– Вы играете в шахматы? – повторил командор.

– Немного, – неуверенно ответила Марина. – Мы иногда с отцом устраивали шахматные баталии... По вечерам.

– Отлично!

Командор сделал знак. Ким принес доску и часы.

Командор принялся расставлять фигуры.

– Но я никогда не играла на время, – запротестовала Марина.

– Зря. В этом – весь смысл.

– Не понимаю.

– Вы хотите работать с нами, не так ли? – Габриэль окинул Марину грозным взглядом.

– Хочу, – призналась Марина.

– В нашей работе есть некоторая специфика.

– А именно?

– Она очень сложная. Орден ведет поиск уже двести лет. И никаких результатов.

– Да, – Марина согласно кивнула. – Вы не сильно преуспели. Разве что сегодня.

Возможно, это говорить и не стоило; но Марина не удер-

жалась; очень уж хотелось сбить спесь с этого «испанского гранда».

Габриэль нахмурился и засопел; но практически сразу взял себя в руки и выдавил кривую улыбку.

– Убедите меня, что это не было просто везением! Я хочу видеть, как вы умеете думать о нескольких вещах одновременно. К тому же, в условиях жесткого дефицита времени, – он взял две пешки, белую и черную, зажал в кулаки и спрятал их за спиной.

– Справа, – сказала Марина. Ей достались черные.

– Три минуты! – объявил командор, выставляя часы.

Марина мысленно ужаснулась, но виду старалась не подавать.

Командор сделал первый ход; пешкой через одно поле от ферзя. Он разыгрывал ферзевый гамбит. Марина ответила контргамбитом Альбина, но противника несколько не удивила.

– «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало», – процитировал командор. – Что это значит? Шах!

Белый слон пересек поле по диагонали и атаковал черного короля. Времени на раздумья не было, и Марина закрылась конем. Но белые атаковали его пешкой. К сожалению, конь был связан, и увести его из-под боя было невозможно. Марина задумалась.

– Мне нужен ответ! – поторопил командор. – И вариант

«я не знаю» меня не устраивает.

– Я... Я думаю, что писавший это... догадывался о своем сложном положении, – Марина наспех защитила коня слонном и хлопнула по кнопке часов.

– Догадывался? – усмехнулся командор. – Или знал наверняка?

Черный конь исчез с доски. Теперь пешка угрожала слону. Марина вывела коня на королевском фланге, освобождая путь для рокировки.

– Вы правы. Скорее, знал наверняка. Да! Эта фраза – не предположение, а вполне уверенное утверждение.

– Знал? Но откуда? Он что, телепат? Умеет читать мысли?

– Я слышала, что в моменты наивысшего нервного напряжения люди становятся более наблюдательными. Подсознание работает самостоятельно. И... Со стороны это выглядит, как дар предвидения.

Рокировать Марине не пришлось; хитрый командор наносил удар за ударом; игра шла полностью под его диктовку.

– Допустим. Писавший предвидел свое несчастливое будущее, но ничего не сделал, чтобы его изменить? Разумнее бежать, чем писать. Надо было спастись, а не тратить время на пустяки. Шах!

Командор ввел в бой ферзя; белые полностью контролировали центр, а фланги Марина развить так и не успела.

Марина глянула на часы; ее флажок вот-вот упадет. Марина наспех закрылась от шаха ферзем, надеясь на размен.

– Павел был фаталистом.

– Интересная версия. А, может, он просто не мог никуда убежать?

Черный король – вот кто не мог никуда убежать. Марина видела угрозу, но сдаваться не хотела. Пусть уж лучше у нее закончится время.

– Ну, да, – сказала Марина и двинула ладью. – Не мог убежать. Заговорщики заменили караулы, и...

– Мат!

Марина растерянно заморгала.

– Но дело не в караулах, – командор встал из-за стола. – Дело в том, что Павел, когда писал эти строки, – сидел в тюрьме.

Марина с сомнением и опаской посмотрела на гранда. Не сошел ли он с ума? Да, Павел был в Михайловском замке, но вряд ли его можно называть тюрьмой...

– Вы даже не узнали текст, – укорил командор. – Его автор – Павел. Но не император российский, а другой. Апостол Павел.

Марина виновато покачала головой.

– А ваш отец... Он знал Библию наизусть. Увы, Марина Сергеевна! Вы меня не убедили.

Марина залилась краской. От стыда ей хотелось провалиться сквозь землю. Но под ней был очень крепкий пол.

Скворцову осточертело крутить ушки допотопного звонка, и он принялся стучать в дверь. Гулкое эхо разнеслось по лестнице.

Рядом со Скворцовым стояли двое сотрудников из службы безопасности Виноградова; один достал плоский футляр из кожзаменителя; в футляре оказался великолепный набор отмычек.

– Я могу вскрыть дверь.

Скворцов кивнул. Сотрудник выбрал два больших крючка и полез в замочную скважину. Вдруг!

За дверью послышалось громкое пение, раздались шаги.

– Назад! – шикнул Скворцов, и сотрудники спрятались за выступами стены. Они зорко следили за каждым движением Скворцова.

Замок заскрежетал. Дверь распахнулась.

От неожиданности Скворцов на мгновение застыл.

Перед ним стояло странное существо: поначалу Скворцов определил открывшего именно так. Небольшого роста, в женском махровом халате, на голове – тюрбан, скрученный из полотенца. Из ноздрей свисали две черные пиявки и шевелились – так показалось в полумраке подъезда. Но, приглядевшись, Скворцов понял, что это – усы, и с облегчением вздохнул.

Странный человечек пропел.

– Проходите! – и ушел вглубь квартиры, голося какую-то непонятную мелодию.

Скворцов помялся на пороге. Из-за колонны выглянул сотрудник и вопросительно дернул подбородком. Скворцов покачал головой и вошел, аккуратно закрыв за собой дверь.

В прихожей Скворцов немного замешкался; с любопытством разглядывал висевшие на стенах пистолеты и кинжалы.

– Ну, где же вы, друг мой? – донеслось из гостиной. – Я жду!

Скворцов пошел на голос.

В гостиной, как ему показалось, не хватало света. Но, скорее всего, такое впечатление производила темная мебель.

Человечек в халате и тюрбане кружился в вальсе вокруг большого стола. Достигнув Скворцова, он остановился и прекратил петь.

– Вы кто?

– Соловьев. Валерий Анатольевич, – представился Скворцов. – Мы с Мариной Сергеевной вместе работаем.

– Работаете? – человечек недобро прищурился.

– Да. Вместе, – подтвердил Скворцов.

– Так это вы? – с вызовом спросил человечек.

– В смысле? – не понял Скворцов.

Дальше произошло непредвиденное. Человечек в тюрбане выпятил подбородок, покраснел, завращал глазами и стал

наступать на Скворцова, толкая его в грудь. Впрочем, толчки были несильными, какими-то детскими, поэтому Скворцов пока не отвечал.

– У вас – роман! – верещал человек.

– Прекратите! – увещевал его Скворцов. – Нет никакого романа. И вообще – я женат.

– Кому это мешало? – не унимался человек.

– Да говорю же вам, нет ничего. Успокойтесь! – прикрикнул Скворцов и нахмурился.

Это возымело действие. Человек вдруг сник, замолчал и сел к столу. Вид у него был жалкий. Он едва не плакал.

– Простите, – пробормотал он. – Я такой ревнивый.

– А вы, собственно, кто? – Скворцов обрадовался возможности перейти к делу.

– Спиридон, – вздохнул человек. – А Марина... Она – повелительница моего сердца.

Скворцов поморщился. Парень был явно с придурью. Но, может, он ответит на вопросы?

– А где сама Марина Сергеевна?

Человек снова оживился.

– Как? Вы не знаете? Телевизор не смотрите?

Скворцов покачал головой.

– Нет.

– Вот те раз! Она уехала!

– Куда?

– В Фетиньино. Искать что-то там кого-то там. Я не понял.

Она позвонила, сказала: «Спиридон! Я уезжаю. Времени на сборы нет. Привези мне теплые вещи».

– Как вы сказали? – насторожился Скворцов.

– Фетиньино. Это недалеко от Владимира.

– Спасибо! – Скворцов направился в прихожую.

Человечек бросился за ним.

– Я так и не понял, зачем вы приходили.

Скворцов уже взялся за ручку двери. На пороге он обернулся и веско, как будто речь шла о чем-то очень важном, сказал.

– Передайте Марине Сергеевне, что декан срочно просил ее зайти. Не забудете?

– Ну что вы? Как можно? Если это касается Марины...

Дальше Скворцов не слушал.

– До свидания! – бросил он и вышел из квартиры.

Месье Жан (это, конечно же, был он) подождал, когда на лестнице стихнут шаги. Затем – скинул халат, надетый прямо поверх костюма. Из правого бокового кармана извлек плоскую круглую коробочку, открыл ее, зачерпнул густой тягучей субстанции и нанес на усы, придавая им обычный закрученный вид.

На большой тарелке белела обглоданная кость. Куски рульки, толкаясь, искали укромные места в необъятном желудке. Поток плотного душистого пива низринулся по пищеводу и щедро окатил гастрономическое великолепие, знаменуя завершение обильного обеда.

Сильвер откинулся на спинку; руки легли на колени; отяжелевшие веки потекли вниз, как вдруг...

Авторитет встрепенулся; палец указал на экран телевизора, прикрепленного к стене у самого потолка. На экране была Марина.

Один из «умных», не дожидаясь распоряжений, схватил пульт и сделал погромче. Сильвер внимательно вслушивался в каждое слово. Марина, уже в который раз, поведала, что, возможно, собирается в Фетиньино. Сюжет закончился.

Сильвер задумался. Повисла долгая пауза. Наконец, второй «умник» осмелился нарушить молчание.

– Как это понимать? – спросил он.

Сильвер довольно хрюкнул.

– Как приглашение.

«Умные» недоуменно переглянулись. Сильвер пояснил.

– Придурки выстраиваются в очередь за сокровищем.

– У нас – конкуренты? – встревожился второй «умник».

– Полно, – подтвердил Сильвер, лучась плотоядной улыб-

кой. – Но это – даже хорошо. Ты сам говорил, что Мальтийский Орден – крутая банда. Им не понравится, если кто-то их обнесет.

– Да уж... Последствия могут быть... Неприятными, – смягчил «умник».

– Не переживай! – ответил Сильвер. – У нас будет на кого метнуть стрелы. Благодаря ей, – он ткнул пальцем в телевизор.

– Распорядиться, чтобы ее нашли?

Сильвер ненадолго задумался.

– Нет. Не надо. Эта девочка что-то знает, но это что-то – меньше твоего стручка. Иначе она не стала бы болтать по телевизору. Нам нужен тот вертлявый коротышка. Он знает гораздо больше.

Сильвер поджал блестящие от свиного жира губы. Ничего хорошего для месье Жана это не сулило.

Анна порылась в шкафчике и достала пузырек с прозрачной жидкостью. Накапала несколько капель в стакан с водой и протянула командору.

Командор залпом выпил, вернул стакан Анне. Пальцы Анны ненадолго задержались на руке командора. В медпункте они были одни.

– Габриэль! – Анна старалась, чтобы ее голос звучал мягко. – Вы слишком суровы. Так нельзя. Девочка только что потеряла отца. Она еще не пришла в себя.

Командор насупился; упреков, пусть даже высказанных в максимально вежливой форме, он не терпел.

– Анна! Вы недооцениваете всю серьезность положения. Сейчас наша миссия важна, как никогда. В последний раз такое было весной тысяча девятьсот сорок первого года.

«Гранд» значительно поднял бровь. Анна склонила голову.

– На меня давят из Рима, – продолжал командор. – Великий Магистр, благословляя меня на это послушание, особо отметил, что все решают дни.

– Все настолько серьезно?

– Деятельность ордена всегда была исключительно важна для цивилизации. Вы это знаете. От себя – могу добавить. Судьба мира решается здесь и сейчас. В России. В Санкт-Пе-

тербурге. И то, в каком направлении будет двигаться мировая история, зависит от нас. В том числе – и от нее, – командор дернул головой в сторону двери, отделяющей медпункт от общего зала.

В зале Марина из последних сил старалась не расплакаться. Стиснутые зубы уже не помогали; пришлось погрузить ногти в мякоть ладоней.

– Отец! – взмолилась она. – Ты слишком рано ушел! Ты не успел обучить меня всему, что знаешь!

И тут... Марина услышала голос. Его голос. Голос отца.

– Успокойся! Ты тоже все узнаешь. Я много лет учил Священное Писание. У тебя еще все впереди! К тому же – Библия всегда под рукой.

– Да. Под рукой, – согласилась Марина. – Но я не могу прочесть знаки, которые в ней зашифрованы.

– Не усложняй! – успокоил отец. – Начни с малого. Прежде всего – подумай, для чего Павел Первый написал эту фразу? Точнее, для кого? А еще точнее – кому?

Марина задумалась. Кажется, она догадалась.

Марина стряхнула охватившее ее оцепенение и подошла к мониторам.

– Валентин! Вы можете мне помочь?

Валентин развел руками.

– Все, что в моих силах.

– Мне нужна информация.

– Любая информация – к вашим услугам, – Валентин занес руки над клавиатурой.

– Спасибо! – поблагодарила Марина. – «Википедии» будет достаточно.

Месье Жан сел в машину и протянул Виктору конверт.

– Это все? – поинтересовался Виктор.

– Это – комплимент от шефа. А сейчас – будет салат. Я объяснил ему, что фемина, от которой ты с преувеличенным старанием отводишь глаза, в спешном порядке отбыла в Фетиньино, – жеманно пропел вор.

– Ты был убедителен, – похвалил Виктор. – Они сорвались с места и умчались. И я – вовсе не отвожу от нее глаза. С чего бы это? Мы просто...

– А вот и основное блюдо. Ты же этого хотел?

Месье Жан перевернул руку и разжал кулак. На узкой ладони лежал дорогой бумажник. Виктор нахмурился.

– Не обязательно было брать весь. Он может что-то заподозрить. Я думал, ты сработаете чисто.

– Пожалуйста! – с обидой прошипел месье Жан и отвернулся. – В следующий раз – воруй сам!

Пререкаться было некогда. Виктор завел двигатель.

Поездка оказалась удачной. Они успели вовремя. Конверт никто не видел; Марину вывели из-под удара; и теперь по документам из бумажника можно будет установить, кто против них играет. Виктор был доволен.

– Командор! Я прошу реванша! – заявила Марина, едва Габриэль с Анной вышли из медпункта.

– Извольте! – сухо ответил «гранд» и подошел к столу, где на доске уже ждали расставленные фигуры.

Лимит времени остался прежним: по три минуты на партию каждому, но на сей раз Марина играла белыми. А это значит – командора ждал сюрприз.

Марина пробежалась пальцами по фигурам, выставляя каждую строго по центру поля; головы коней повернула в сторону противника. Краем глаза отметила, как по губам командора скользнула еле заметная усмешка. Марина сложила пальцы правой руки в щепоть, взяла королевскую пешку и двинула ее через поле. Щелкнула кнопка на часах.

– «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало». Второе послание апостола Павла. Глава четвертая, стих шестой, – торжествующе заявила Марина.

Но на командора это не произвело ожидаемого впечатления. Он так же, через поле, двинул свою королевскую пешку и щелкнул кнопкой часов.

– Общеизвестный факт. Можете ли вы что-нибудь к этому добавить?

– Конечно. Послание Павла, как первое, так и второе, адресовано Тимофею, его любимому ученику. По сути, это по-

литическое завещание апостола, – Марина двинула вперед коня с королевского фланга. Кнопка – шелк!

Габриэль кивнул в ответ на ее слова, и тоже сделал ход конем, но с ферзевого фланга.

– Павел Первый, – продолжала Марина, – не случайно выбрал именно эту книгу Нового Завета. Ведь он тоже должен был оставить политическое завещание. Но – кому?

Марина снова сделала ход тем же самым конем. Это нарушало все законы шахматных дебютов: тормозило вывод фигур и никак не развивало позицию; вместе с тем – это была хитроумная ловушка, которой Марину научил отец. И командор с размаху в нее угодил; сделал то, чего делать ни в коем случае не следовало: взял конем белую пешку.

– Новому Великому Магистру, кому же еще? – с легким раздражением спросил испанец.

– Вспомните, как проходят выборы Великого Магистра? – Марина двинула ферзя.

– За тысячу лет процедура не изменилась. Нового Великого Магистра выбирают всеобщим рыцарским капитулом после смерти предыдущего, – командор уставился на доску. Кажется, до него стало доходить, что он поступил опрометчиво.

– То есть, Великий Магистр никогда не знает своего преемника? – уточнила Марина.

– И не может знать, – подтвердил командор.

– И Павел Первый не знал. Он обращался к некоему аб-

страктному человеку, который придет ему на смену. Именно ему он должен был передать все атрибуты власти, и в первую очередь – сокровище Мальтийского ордена.

Белый конь побил пешку, нападая одновременно на черных ферзя и ладью. Командор погрузился в размышления, а Марина продолжала.

– Но как это сделать в последние минуты жизни? Зная, что толпа заговорщиков уже в замке? Как рассказать, где искать сокровище, и одновременно – скрыть эту информацию от посторонних?

Глубокие морщины прорезали высокий лоб командора. Он развел руками: еще не сдался, но уже признал, что ситуация – безнадежна. Черный король взял коня, но это выглядело, как жест отчаяния, поскольку Марина тут же устремилась в атаку ферзя.

– Нужен был шифр, – продолжала Марина. – Цитата из Библии указывает на Библию.

– Удивительно тонкая догадка! – сварливо сказал командор.

– На Библию. Но не как на текст. А как на вполне конкретную книгу.

Испанец взглянул на доску, махнул рукой и остановил часы.

– Сдаюсь!

– И правильно, командор. Все равно вам через три хода – мат.

Анна отвернулась, чтобы скрыть улыбку. Габриэль вцепился взглядом в Марину.

– Не хочу тратить драгоценное время. Продолжайте! Что вы имеете в виду?

– После того, как рыцари Мальтийского ордена перебрались в Петербург, Павел отдал им церковь Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове. Там они принимали присягу, там же их хоронили.

– Ну да!

– Церковь стала их главным храмом. А в каждом храме – есть своя Библия, которая хранится, как святыня.

Командор кивнул, словно что-то припоминая. Марина продолжала.

– Павел Первый лично подарил церкви Рождества Иоанна Предтечи Библию; в красном кожаном переплете, с серебряным тиснением в виде мальтийского креста.

– То есть...

– Я думаю, что цитата из Второго Послания апостола Павла – указание на конкретную книгу. А в книге – сказано, где искать сокровище.

Командор вскочил, не в силах скрыть нетерпение.

– Неужели все так просто?

– И изящно, – добавила Марина.

Послышались шаги. Марина обернулась и увидела Виктора с месье Жаном. Габриэль вопросительно взглянул на Виктора; тот вежливо кивнул в ответ и подошел к Валентину.

Виктор достал бумажник Скворцова, положил на пульт.

– Валентин! Посмотри, кто это! Необходима точная идентификация.

Валентин вынул из бумажника документы, приготовился к работе.

– Все чисто, командор! – сказал Виктор.

Габриэль довольно засопел.

– Ну и прекрасно! Не зря мне вас нахваливали. А теперь – отправляйтесь с Мариной Сергеевной. У нее возникла интересная версия; ее необходимо срочно проверить.

– Да, командор, – смиренно отвечал Виктор.

Дверь была приоткрыта и удерживалась цепочкой. Разумеется, набор тонких металлических колечек не был для двух громил непреодолимым препятствием, но они пока не торопились.

Первый совал Лизе, девушке, стоящей по ту сторону двери, распечатку с портретом вора; второй – всячески старался сделать жалобный вид; но из-за этого кожа на затылке бугрилась, и эффект достигался прямо противоположный.

– А хотя бы – телефончик? – канючил первый.

– Очень надо, – подпевал второй.

– Не знаю и знать не хочу! – отрезала Лиза и захлопнула дверь.

Громилы спустились на лестничную площадку этажом ниже и принялись рассуждать.

– Что будем делать? – спросил первый.

– Она дома одна, – сказал второй. – Толкнуть дверь, закатать ей в лоб, сломать пальчик, – и все! Запоет, как миленькая!

– Сильвер про это ничего не говорил, – нахмурился первый.

– Значит, надо спросить, – предположил второй. – Позвони ему!

Первый подумал и достал мобильный.

Виктор вел машину. Марина сидела рядом. Их путь лежал на Каменный остров.

Марину распирало от нетерпения; сама История была рядом; ощутима и осязаема; Марина чувствовала, что качается в ее плотном потоке; казалось, посмотри налево – и мимо проплывет, сверкая умопомрачительной роскошью, парадный выезд высокого вельможи; взгляни направо – и там, бряцающая тяжелым вооружением и тускло блестя кирасами, промчится эскадрон кавалергардов; все стало таким значительным, захватывающим и таинственным!

– Вы хорошо знали моего отца? – спросила Марина.

– Мы работали вместе последние пять лет, – уклончиво отвечал Виктор. – К тому времени, как я пришел в группу поиска, Сергей Николаевич уже пятнадцать лет был рыцарем.

– Что заставляет людей вступать в орден?

– Вера в добро и справедливость, – не задумываясь, сказал Виктор. Но Марине показалось, что он что-то недоговаривает.

– А вы? Как вы стали рыцарем?

Повисла пауза. Некоторое время они ехали в молчании. Наконец Виктор проговорил.

– Это – очень долгая история. К тому же – не слишком

интересная.

– И глубоко личная? – догадалась Марина.

Виктор помрачнел.

– Вы хотели спросить меня о вашем отце, – отрезал он.

Это означало «не лезь, куда не следует», и Марина поспешила сменить тему.

– Вы знаете... Я до сих пор его слышу. Я... Говорю с ним.

И он – говорит со мной.

В ответ на свое неожиданное признание Марина ожидала услышать все, что угодно; но только не то, что сказал Виктор.

– Так и должно быть. Его душа все еще с нами.

Марина была сильно удивлена; она даже подалась вперед, чтобы заглянуть в глаза Виктора; но, заглянув, не увидела в них ни тени иронии.

– Значит... Вы не считаете меня сумасшедшей?

– Конечно, нет, – Виктор ненадолго оторвался от дороги и бросил быстрый взгляд на Марину. Марина убедилась, что он и не думает шутить. – Ваш отец погиб трагически. Не успев завершить то, что задумал. Возможно, это удастся сделать вам.

У Марины перехватило дыхание: Виктор сумел прочесть все ее потаенные мысли!

– Вы верите в это? В то, что души ушедших близких какое-то время остаются с нами?

Виктор нежно улыбнулся и кивнул; словно здоровался с кем-то невидимым.

– Да. Я знаю. Только так и бывает.

Машина свернула на Каменноостровский проспект. Дом номер 83 – таков был адрес церкви Рождества Иоанна Предтечи.

Скворцов старался ступать бесшумно, но это не помогло. Чувства страдальца были обострены до невыносимого предела; Виноградов, слышав легкие шаги, встрепенулся; и тут же мысленно укорил себя за эту поспешность: осторожнее! Не делай резких движений! Твоя легкая душа еле-еле держится в недужном теле.

Виноградов скосил глаза: Скворцов стоял у края кровати.

– Нашли?

– Нет.

Из груди Виноградова вырвался протяжный стон, и Скворцов поспешил добавить.

– Но мы знаем, где ее искать.

– Где?

– В Фетиньино. Она сама заявила об этом в телеинтервью, и какой-то тип в ее квартире, представившийся другом, это подтвердил.

«Фетиньино»... Это слово ни о чем не говорило Виноградову; звучало, как загадочное заклинание, и, тем не менее, дарило надежду.

– Фетиньино... – через силу повторил он. – Так чего же вы ждете?

– Проблема в том, – Скворцов передернул плечами, – что это – маловероятно.

– Почему? – забеспокоился Виноградов. – Вы знаете что-то еще?

– Тот тип, который был у нее в квартире... Похоже, он украл мой бумажник. Вместе с документами. А это выставляет ситуацию совсем в другом свете. Теперь я думаю, что кто-то нарочно хочет направить нас по ложному следу.

Виноградов с трудом унял клокочущее дыхание, рвущееся из груди: так ведь действительно может дух вон.

– Ты ведь – из спецслужб? – приподнявшись, спросил он.

– Да, – подтвердил Скворцов.

– Значит, ты – профессиональный параноик. Мне наплевать, что ты там себе думаешь! Но если есть хоть миллионная доля шанса, значит, надо его использовать. Возьми мой самолет. И отправь людей... В Фетиньино! – последнее слово он произнес с наслаждением; оно ласкало распухший язык.

Виноградов откинулся на подушку и умолк.

Скворцов несколько секунд вглядывался во внезапно смягчившиеся черты обезображенного лица. Потом – топнул ногой.

Из-за ширмы пришла сиделка и уставилась на Скворцова тупым коровьим взглядом.

– Что с ним? – спросил Скворцов.

Сиделка провела ладонью над открытым ртом «шестьдесят шестого».

– Он спит, – слышался гнусавый голос. – Он не спал уже трое суток. Напрасно. Я говорила, что сон облегчает страда-

ния.

Скворцов присмотрелся. Да, Виноградов спал.

– Сколько нам осталось? – спросил Скворцов.

– Нам? Не знаю. А ему – совсем немного, – сиделка выждала несколько секунд и ушла обратно за ширму.

Скворцов достал мобильный и отдал необходимые распоряжения: взять самолет и немедленно во Владимир! Прибыть в Фетиньино, организовать засаду у бывшего дома Зубовых и ждать дальнейших указаний.

Скворцов понимал, что все это – зря, но не мог послушаться. Покончив с делами, он сел рядом с кроватью и стал пристально смотреть на умирающего. Скворцов старался глубоко не дышать; не потому, что боялся разбудить: вонь от заживо гниющего человека стояла неимоверная.

Виктор открыл пассажирскую дверь, и Марина вышла, отметив про себя, что к хорошему – не то, что быстро привыкаешь; даже и привыкать не требуется.

Они стояли перед аккуратным краснокирпичным зданием, выстроенным в псевдоготическом стиле. Марина в который раз поразилась лаконичности форм и строгости линий.

В плане церковь имела вид креста; в центре возвышался серый купол со стрельчатыми окошками. Эту же форму имели зарешеченные окна побольше, по два на каждом из трех фасадов, и еще по четыре – на внутренних сторонах каждой из перекладин креста, а также – главный вход, располагавшийся в нижнем ярусе колокольни, окаймленный треугольными выступами, опускавшимися до самой земли, как контрфорсы неприступной крепости. Второй же ярус колокольни выглядел еще проще: четыре квадратные колонны по углам квадрата, накрытые серым четырехгранным шатром. Здание, лишенное всяких декоративных элементов, выглядело образцом элегантности и чистоты линий.

Марина не удержалась и спросила:

– Вы знаете, чем знаменита эта церковь? – она выдержала небольшую паузу – для приличия – и продолжала. – По преданию, здесь останавливался Пушкин. Прямо перед роковой дуэлью с Дантесом. Тут ведь недалеко – Черная речка.

Александр Сергеевич заезжал помолиться. Получается, перед смертью... – Марина помолчала, отдавая дань уважения «солнцу русской поэзии». – А несколькими годами ранее он крестил здесь двух своих детей. Наталью и Григория. Когда снимал дачу на Каменном острове у Доливо-Добровольской.

Виктор не мог сдержать улыбку.

– Забавно! У нас, в России, все так или иначе связано с Пушкиным.

– У нас? – переспросила Марина. – Вы – тоже из России? Вместо ответа Виктор жестом пригласил Марину войти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.